

Содержание

Он был с нами <i>(Михаилу Бакшевскому посвящается)</i>	
Жемчужины памяти.	3
Надежда Демидова. Вспомнилось	7
Вениамин Грузинов. МБ = БМ.	9
Масляница	
Алексей Богданов. Масляница	15
Портрет гостя Масляницы — 2.	16
Павел Матасов, Валентин Харпалёв. Про Медведя	20
За две точки до беды.	22
Пароль — 238	
Наталья Харпалёва	
Мальчики ясли-сада № 2010 «Рождественка».	26
Алексей Богданов. Женщинам.	36
Пути-дороги	
Марина Тропинская, Алексей Филатов.	
Откуда взялись алтайские.	37
Наталья Харпалёва, Виталий Чабаев	
Дурпоходная лирическая — 2.	39
Наталья Харпалёва. Вдоль по линии Кавказа <i>(фрагменты)</i>	40
Татьяна Подгорная. Приключения Мышек-норушек	49
Иннокентий Шниперсон.	
Дмитриевско-Сафроновские лыжные марафоны.	52
Павел Матасов. История сотни.	56
Дина Захарова. Голубь мира и царица полей.	77
Анна Абраменко. Первомайские водные походы.	80
Юлия Якушева, Павел Матасов.	
Два стиха из одной электрички	83
Наталья Харпалёва. Острова	86
Каждый пишет, как он дышит...	
Андрей Юрков. Про Сашу и Наташу	87
Татьяна Подгорная. Вот ещё один день... <i>(стихи)</i>	90

Он был с нами

Михаилу Бакшевскому посвящается

Жемчужины памяти

Маргарита Баева

* * *

Очень трудно писать. Живёт он в нашей памяти. Давайте вспомним какие-то маленькие эпизоды, связанные с ним.

В 1992-93 году он опекал одну девочку-подростка, у которой не складывались отношения с родителями. Помните? Я — очень смутно.

Показывал нам слайды — картины Константина Васильева. Очень его любил, по-моему, участвовал в организации музея, вел слайды там. Было это?

«Песни» Шуберта. Давал вам слушать пластинку с деревом под звёздами?

Укладывал нас в караулке. Только он мог уложить 25 человек на 15 кв.м. Может, с размерами ошибаюсь.

Ароматные груши и яблоки привозил из своих крымских поездов. В сеточках.

Наверное, каждый вечер где-нибудь трудился, крушил советские перекрытия в церквях. Дениска подхватил потом это дело.

Однажды заснул на концерте классической музыки. Так устал. Я не видела его грустным. Чуть-чуть растерянным — да. Он не замечал плохого и жил в своём чудесном и чистом мире. С нами.

* * *

Да, очень хорошо Рита написала, действительно практически не помню его грустным, он очень легко мог переходить с грустных нот на шутку, вспоминаются какие-то трогательные забавные моменты, хотя и не скажешь, что смешные...

Действительно как-то он помогал музею Константина Васильева в Коломне, сужу об этом потому, что нам давали там ночлег во время наших работ в Ново-Голутвином монастыре в 1989-м. Кто уж тогда договаривался, Миша или Костя Козлов, уже и не вспомнить,— поездки были совместные... Есть у меня фотография, которая иллюстрирует один «анекдот», который давно уже стал семейным анекдотом, поскольку я его постоянно рассказываю всем гостям нашего дома, если вдруг разговор заходит о Мише...

А вот «анекдот»: у Миши были «две большие любви» — вареная сгущёнка, и я эту страсть вполне разделяла, и Константин Васильев, о котором практически не слышала, хотя картины его тогда все знали: постеров и календарей много было... Вот сидим мы за столом, едим сгущенку, балагурим о чем-то чайно-сгущённым... У меня пластиковая ложечка поменьше, у Миши — побольше и потяжелей...

И почему-то среди этого самого разговора он начинает рассказывать о К.Васильеве и даже не столько о творчестве, сколько о жизненном пути художника и именно о его трагической смерти во цвете лет (что-то около сорока)... Мише тогда было около тридцати, мне, стало быть, около девятнадцати, но хотелось, видно, солидности себе добавить, тем более что разговор о смерти, да ещё такой, был неожиданным и из колеи выбил, поэтому я так и залепила: «40 лет? Какой молодой! Практически соплиивый!»

Миша сидел прямо напротив меня, и я до сих пор явственно вижу, как ещё на первых словах он утвердительно-понимающе кивает головой, и вдруг взрыв,— это Мишина большая ложка сгущёнки врезается в самую середину моего молодого, не обременённого морщинами мудрости лба: «Винни! Я очень люблю Константина Васильева!»

* * *

Помните, у Миши была замечательно-очаровательно-отвратительная привычка варить всё во всё? Ну таки на завтрак он нам тогда в этом чайнике сварил длинные макароны, уж и не помню, в чём после этого чай был, но макароны съели, а то как же, и только ленивый не спросил: «Почему они из носика не вылазят?»

Анна Абраменко

* * *

Миша очень любил детей, играл с ними. И они отвечали ему тем же. Когда он умер, мой Гриша (тогда десятилетний) сказал грустно: «Кто же меня теперь будет в сугроб кидать и Снегуром называть?»

Татьяна Подгорная

* * *

Никогда не забуду Масленицу-1995, проходившую в усадьбе Одинцово-Архангельское, что под Домодедово.

Начало марта, затянувшаяся двухнедельная оттепель. Входные ворота растаяли, а залитый к празднику каток превратился в небольшой пруд. Штурм крепости продолжался не более пяти минут — стены оказались совсем тонкими, и взять их не составило особого труда.

На поляне, превратившейся в смесь грязи с остатками снега, после штурма все дружно играли в «третьего лишнего», а потом Миша вручал памятные подарки особо отличившимся во время строительства. Пусть они были чисто символическими, но какую гордость испытывали те, кто их получал,— особенно если участвовали в возведении снежной крепости впервые.

* * *

Март 1994-го, Иосифо-Волоколамский монастырь. По просьбе Риты все приехавшие туда рождественцы привезли мисочки объемом один бакш. Все знали, что это очень много, но сколько точно — неизвестно. В результате на столе оказалась гора посуды — одна другой вместительнее.

Человека много лет нет с нами, но память о нём жива. Наверное, об этом каждый из нас может только мечтать.

Вениамин Грузинов

Титан

Миша любил детей...

Как-то из очередного запыля я вернулся с разбитым кильсоном. Было это в 96-м, стало быть, на Осётре я его поломал.

Миша забрал раненый кильсон к себе на завод, наложил на места переломов титановые шины и вскоре вернул: «Носи на здорovie!»

Я радовался как ребёнок...

...Каждую весну, собирая своего Боцмана Чугайлу, показываю матросам этот кильсон: уже половина клёпок повыскакивало, а Мишкина работа весь хребет держит!

Он ведь был простым рабочим, и никогда не был даже студентом, как написано в одной хорошей статье.

* * *

Анастасия Варнавская

Особенно на Маслострое в кан с чаем Миша всегда что-нибудь добавлял, и особенно щедро — еловые веточки. Помню, очень непривычно было. И вкус, и наличие в чае множества неопознанных объектов многих удивляли, а иногда и возмущали... А теперь, если

мне доводится вдруг делать чай на костре, обязательно добавляю в него еловые ветки.

Надежда Демидова

ВСПОМНИЛОСЬ

Вдруг подсчиталось, что без Бакшевского мы провели уже 13 Маслениц, т.е. больше половины всех проведённых вообще...

Что Мише в этом году исполнилось бы 50, а Масленица — 25-я. Что не знает его в жизни, не застала примерно половина современной «Рождественки». Вот такая интересная статистика.

У каждого есть что-то из своих воспоминаний, с ним связанное. Какие-то мелочи, переживания, и не важные будто, но остающиеся тёплым след внутри.

...*Поленово, конец апреля 1992 года, на Пасху.* Мы сравнительно недавно на «Рождественке», и Оля нас по именам не различает. Миша объясняет, что я — серая, а Лена — коричневая (по цвету курток). Когда я справедливо возмущаюсь, извиняется: «Ну, побей меня!». Ага, побейшь такого! Приходится простить.

Заболевающей Лене холодно, и ребята чего только на неё не надевают. Бакшевский делает свой фирменный массаж: ладонями так растирает руки и спину, что становится горячо, как после горчичников.

Перед сном накрывает нас курткой, чтобы не замёрзли, но всё равно ночью холодно. Утром чувствую: кто-то меня укутывает. Открываю глаза — опять Миша! Попросил перебинтовать руку, показал с крыльца восход солнца и, пока ребята ещё спали, учил нас рубить дрова.

...*Майские праздники-1992 в Розовой караулке.* С вещами, уставшие, залуптали в поисках нашего жилья в Екатеринбургском парке. Поняли, что это — оно, оказавшись от него по ту сторону канала и упершись в высокий забор, но тут-то силы нас и покинули. Оставив вещи и Лену надеяться на лучшее, ушла налегке за подмогой. «А где половинка?» — стыдно сказать, по прямой — метра в двадцати, на противоположном берегу канавы... Кто пошёл нас спасать? Миша и Саша.

На дальнем конце стола, у стены — коряжка, оставшаяся с ноябрьских праздников и напоминающая какое-то живое существо, о чём мы с Мишей сразу находим общий язык. Имя этому домовёнку, правда, придумать не удаётся, но про подсвечник из сучка мы решаем, что он точно похож на Дракошу.

Вечером едем гулять по Питеру. Миша закрывает дверь на ключ, ключ заворачивает в грязную тряпочку, тряпочку кладёт на землю у стены караулки, сверху накрывает её кружкой, кружку засыпает прошлогодными листьями... Зато до ключа теперь не то что враг, друг не доберётся! А для особенно настойчивых его можно иногда то кружкой не накрыть, то вместо тряпочки в фантик завернуть...

После работ на Талицком водоводе идём пешком в Павловск — ведёт Бакшевский. Размашистой походкой, впереди всех — чтобы не отстать, девочкам приходится за ним почти бежать. И всё равно вместо обещанных 45 минут добираемся полтора часа, перелезаем через забор, после этого в нескольких метрах от себя находим открытый вход — всё как обычно. Миша в парке в первый раз, и первые постройки, нам встретившиеся, — «совковые» грубые, грязные кафе и киоски, без зазрения совести расположенные на прекрасной полянке. Бакшевского всего передёргивает, и потом никакие красивые виды не могут исправить этого впечатления. Так Павловск ему и не понравился.

Заметили у Бакшевского нехорошую привычку: покупать билеты на электричку за тех, кто их не берёт. Например, за нас. Приходится отдавать деньги или покупать билеты самим. Очень неудобно!

...А ещё — Собачий вальс в паре с маленькой игрушечной собачкой в Доме-музее Марины Цветаевой под Новый 1994-й год; многочисленные поездки на поиски масленичных мест, редко оканчивающиеся успехом; неизменные спутники Бакшевского в реставрационных работах — «Башкосек» и здоровая тяжёлая кувалда, которой Миша мог пробить «новодел» любой толщины и прочности, а потом легко и непринуждённо гулять с ней по Москве...

Как ему удавалось совершенно незаметно для нас практически одному органи-

зовывать, согласовывать, договариваться о тёплых ночёвках (причём иногда — за работу) на Масленицу — нам не понять! Все дружелюбные реставрационные отряды и многочисленные фольклорщики считали своим долгом у него на Масленице быть.

Нельзя, наверное, не сказать про Бакшевскую Нину Михайловну, «тётушку», ставшую для Миши мамой. Многие из нас увидели её, только когда пришли с ним проститься. Оказалось достаточно мимолётного впечатления, чтобы понять, что это очень светлый, добрый человек и Мише было с ней хорошо. Помню свою мысль: жалко, что я её не знаю, не могу подойти, поддержать. Потом кто-то из наших привёл меня к Нине Михайловне в гости, ещё в ту квартиру, где они с Мишей жили. Она, говорит, всем рада будет. Так и вышло.

Очень любит классическую музыку, называет себя меломаном. В музыке находит утешение от всех жизненных неурядиц. В свои 88 лет читает и перечитывает книги, делая закладки на показавшихся важными мыслях. Рассказывает о прочитанном и иногда о себе так, что хочется и самой прочитать, и не забыть услышанное. От кого фамилия Бакшевские, по семейному преданию, пошла; как молодая на лыжах с горы катилась, не зная, куда пойдёт и доберётся ли потом до дома; как Миша, когда чему радовался, кружил её на руках по комнате. Любит сладкое. Про Женю Морозова говорит, что Мише он как брат был. И до сих пор Женя ей поддержка и опора. И звонит, и заезжает, когда может. Мы тоже стараемся навещиваться, но, к сожалению, не так часто, как хотелось бы.

Нина Михайловна, мы знаем, что нам у Вас всегда будет и тепло, и уютно, и интересно, что Вы нам рады. Мы Вас любим!

Вениамин Грузинов

МБ = БМ

По случаю юбилея принято публиковать воспоминания товарищей о былых временах, когда неразлучные друзья жили в ладу и согласии.

Я же хочу рассказать о наших с Мишкой больших разногласиях. В 1995 году масляничную поляну мы подыскали под Домодедово подле морозовской усадьбы на берегу речки Рожайки. Места проведения тогда выбирали вблизи исторических мест, преимущественно усадеб, что вполне объяснимо, коли вспомнить, что нынешние масляничные гуляния придумали активные участники военических «ежедневных субботников». Так выбрали на этот раз Одиноково-Архангельское, одно из творений самого Шехтеля.

Надо признаться, однако, что место подыскали не самое удобное в смысле доступности: нужно было топтать полями от станции Востряково, пересекая при этом оживлённое шоссе, либо ехать на автобусе от Домодедово. Помню, мы с Ритой ходили ещё на лыжах от Кутузовской. В любом случае народу на строительство приехало немало. Правда, ближе к празднику многие стали выбираться с ночёвкой: кажется, через Инну Ефимовну нам удалось устроиться на ночёвки в соседний пионерлагерь.

Ночи получались весёлые: что говорить, было тогда кому взять в руки гитару. Умудрялись даже погонять мяч на автобусном кругу конечной остановки, на покрытом лужами асфальте.

Зима в тот год не задалась, частые оттепели, слякоть одна. Мишка же очень хотел повторить прошлогодний успех, когда в Покровском-Рубцове под Истрой построили, пожалуй, самую большую крепость.

А строили ещё по старинке, капотов не было, катали комья: мокро, мутрно и «метеозависимо».

Мишка заложил прошлогодние размеры, Рома Шев пахал за двоих, появились Витько, да, кажется, уже и Дениска, но как-то совсем углубился в семью и работу Дима Р. Да и Риточка с Вовочкой были уже на финишной прямой.

Я же, кроме крепости, вздумал построить ещё и входные ворота, как в 94-м.

К тому же по соловецкому опыту пришёл к убеждению, что грешно работать после обеда, и гонял в это время в футбол.

Лиля громко обличала безответственных футболистов. Мишка молчал, но от предложения сделать крепость меньше, чем в прошлом году, отмахивался.

Наверное, я тогда как-то особо и не переживал по поводу успехов мастроительства: вся эта Мишкина затея с возведением крепостей казалась просто весёлой физкультпаузой в череде «ежедневных субботников на объектах реставрации».

Наверно, очарование Праздником пришло позднее, когда стали уходить поглубже в леса.

Не помню.

В общем, к Прощёному воскресенью наша рождённая в не-согласии «красавица» предстала не в меру широкой и неприлично низкой: метра три — не выше.

И штурм длился недолго и в памяти осталось немного.

Главное — это общее чувство неудовлетворённости.

Но вместе с тем — решимость на следующий год взяться за дело по-настоящему. Поляну для верности выбрали старую — абрамцевскую. К строительству впервые подключились Марина и Ваня Савельевы с многочисленными юными помощниками — будущая Башня. Ромка Шев пахал за троих. Это он впервые ввёл обычай «загорать» на строительстве: в пылу работ сымал последнюю рубашку. Для поднятия боевого духа и привлечения мастроителей Ромка каждые выходные возил с собой магнитофон величину с тумбу и врубал его под строящейся крепостью. Так наша поляна отмечала свою солидарность с миром КСП. Никто не знает, правда, сколько Ромка потратил на батарейки.

Раскрылся в тот год во всей полноте своих созидательных возможностей ВадимКо. Тем не менее, Мишка решил подстраховаться и заказал бульдозер. Известие о бульдозере мы приняли как угрозу нашествия нежелательных конкурентов и сдали объект досрочно. Бульдозерные лошадинные силы были переориентированы на возведение детской горки, которая благодаря Лиле вскоре приобрела формы огромного снежного кота, замершего в ожидании мыши, красовавшейся в том году на эмблеме. Неугомонный Ромка развёл на волокуше костёр и отугужил горкин склон.

Пожалуй, тот абрамцевский год стал вершиной Мишкиной биографии.

Следующие два года всё-таки были слишком «экспериментальными», чтобы считаться столь же успешными. На Луче (1997) и после в Аникеевке (1998) мы использовали вместо поляны пруды. Наиболее успешно справиться с ледовой обстановкой удалось на пруду в 33-м (ныне Родники), но это уже без Миши (1999 год).

Что же нового привнёс Мишка в стародавнюю языческую ещё традицию? Блины и хороводы, конечно же, были и до него, а непременно присутствие этих составляющих была изначально очевидна.

МБ превратил символический суриковский снежный городок в настоящую вершину снежной фортификации — маслянистую крепость. Несмотря на кажущуюся допотопность форм и технологий, этот гигантский сугроб представляет собой редкое сочетание лаконичности и функциональности. Бакшевское Взятие Снежной Крепости — завораживающее действо, столь же бесшабашное, сколь и непонятное для безучастных, как загадочная русская душа.

Мишке удалось воплотить то, что не давалось его любимому Константину Васильеву: наполнить свое произведение дыханием жизни.

Ручная работа, неподдельный азарт состязания, артельное братство и взаимовыручка. Те из защитников, кому не раз приходилось выбрасываться из крепости, увлекая за собой «почти победителя», удивлялись, с какой великой бережностью помогли им подняться на ноги недавно, казалось бы, разъярённые, соперники.

Мирные хороводы и яростный натиск. Легко ли сочетать противоположности: эти Инь и Ян по-русски? Непросто сочетать, но драматургия всего Бакшевского действия была направлена на *умиротворение стихии*.

Как избежать заурядного побоища при такой концентрации тостостерона, да ещё на такой ярмарке красавиц? Народная притча: «Какая свадьба без драки?». МБ изобрёл гениальный способ обращения ядерной энергетики толпы в мирное тепло праздника. Всем: и пассионариям, и субпассионариям — предлагалось показать свою силушку при взятии. Высота крепости определяла необходимость седиментации тяжёлой составляющей: тяжеловесы оставались в основании пирамиды, парни полегче составляли второй ярус, а наверх забирались только самые лёгкие. Таким образом, возможная рукопашная сводилась к битве с мухамачами, и естественным образом не допускала поединков с разгорячёнными тяжеловесами, последствия контактов с которыми куда более травматичны. В итоге два нижних яруса были исключены из возможной потасовки, занимаясь не разрушением, а исключительным созиданием — построением живой пирамиды. Невидимые стороннему зрителю богатые основы первыми вставали в пирамиду и должны были держаться до последнего, чтобы обеспечить собой живую площадку для штурма. Там они выкладывались настолько, что встречали взятие, как изнемогшие в битве победители, прео-

долевшие фронтовые тяготы и с чистой совестью возвращающиеся к мирной жизни. Гигантский сброс отрицательной энергии создавал у них естественный положительный настрой. Этим-то Победителям и встречали радушно нарядными хороводами и горячими блинами.

Да, эти парни, эти носители боевого духа, не были святыми, уж им-то было, отчего просить прощения в Прощёное воскресенье. Но без них терялся один из важнейших смыслов происходящего: единение через преображение. А ведь многие из тех героев штурма теперь с нами.

Ещё при Мишке Бакшевском мы осознали, что при возведении боевой стенки необходимо набрать определённую высоту, чтобы избежать жёсткой рукопашной и при этом управлять длительно-стью штурма.

При обычном единоборстве в равных условиях лицом к лицу любому парню стыдно уступить: если оба с норовом, от забавы до драки — один шаг. Условия соперничества при взятии совершенны и иные: длительное противостояние двух противников исключено, да и факторы воздействия разные. Защитникам больше достаётся от метких метателей нескончаемых снежков. Контакт со штурмующим, как правило, не более минуты — поэтому при общей видимой ярости схватки на кромке стены никакого остаточного ожесточения не остаётся, а отрицательная энергия выплеснута сполна.

Таким образом, задача утилизации излишней агрессии была решена ещё при МБ.

Следует признать, что Бакшевский разгул молодецкой не вливается в традиционные фольклорные представления, как их принимают наши просвещённые почитатели старины. При Мишке вошли в обиход совершенно новые формы. Традиции Бакшевского взятия так же далеки от древних канонов, как чужестранные футбольные баталии, КСПшные посиделки у костров и африканские тамтамы — от правильных печатных маслянистых сценариев: «курочка по зёрнышку» или «не пили, не ели, друг на друга все глядели, *разом делали вот так*». Но что удивительно: в прошедшие годы все эти несочетаемые на первый взгляд грани вполне сочетались на масляничной поляне, переливавшейся, как волшебный кристалл.

Минувшая черед БМ — это не возврат к корням, это рост вследствие обретения корневой системы.

Рост, который не может быть бесконечным. Людям настолько полюбился такой праздник, что последние годы они активно голодовали числом.

И в грандиозном по размаху 2005-м уже было ясно, что подобный успех неизбежно приведёт к перенаселённости поляны.

И с тех ещё пор зреют намерения удалить основной стержень, вокруг которого вращается вся масляничная композиция, — Бакшевскую крепость.

Что говорить, при желани много грязи можно разглядеть на белоснежной Масляничной поляне.

Но вместо долгосрочных санитарно-гигиенических мероприятий особо ретивые ревнители стерильности предлагают решительное хирургическое вмешательство — оскопить!

А ведь если задуматься, БМ стала для нас школой совместного выживания: как жить в этой стране с *этим* народом, насколько можно увлечь людей, обнадёжить, повести в светлое будущее, да ещё пешкодралом, да ещё ограничивая потребление, да ещё убивая за собой по дороге...

Бакшевская Масляница немислима без Бакшевской крепости и Бакшевского взятия.

Какой же «идеал» можно предложить взамен?

Бравое бородинское дефиле в ампириных костюмах? Аугентичный в доску фольклорный фестиваль? Продвинутый театрализованный полуперфоманс? Да ведь БМ не о том. БМ — это мирная Блинная революция, вспыхнувшая в России в тяжёлую эпоху расцвета цитрусово-розовых импортных продуктов.

Бакшевская Масляница — совершенно особое неформатируемое явление сплочения и возрождения народа. На развалинах империй. На рубеже тысячелетних традиций.

Масляница

Алексей Богданов

Масленица

Масленица-масленица — тёщины блины!
Крепости ледовые огромной вышины!
Наравне с природой ждётся приход весны,
Пьёшь из снега воду и коптишь штаны.

Певцу — пропеть, танцор — пляши! Вот пропуск на поляну,
А там гуляют от души — везде, куда ни гляну!
Плескаюсь во все стороны, кипит людское месиво.
Карабкаться на столб в трусах... наверно, очень весело!

Нора. На вид банальная... чего бы не залезть?
Весь скрючился спирально я... раз пять, а может, шесть.
Спешу на свет — ужасный шок! — баранку тут же съел...
А вот мужик кружит мешок по типу «карусель».

Канат — он чтоб его тянуть, толкаться ж — на бревне.
И не забыть бы нам взглянуть на чучело в огне...
Ещё скакалки были там, мечи... или мячи?
Какая разница, к чертям! Хошь — пой, а хошь — кричи!

Конечно же, штурм крепости: азарт, адреналин!
Титаник снежной лепости и Еллоу Субмарин.
Качели, хороводы, катание с горы...
И люди незнакомые жгут общие костры.

Студент, буржуй, рабочий класс... кто малый, кто большой —
Традиции сблизают нас, и это хорошо!
И, не боясь раскрыться, отбросишь фальшь и маски,
Увидишь счастье в лицах, написанное краской!

Коллективный портрет гостя Масляницы — 2010

*(авторская орфография и пунктуация
по возможности сохранены)*

* * *

Принимал непосильное участие во штурме крепости.

* * *

Хотим приехать на взятие крепости. Нас 4 человека (1 мужчина).

* * *

Здравствуй много уважаемый Медвед.

Не подкажешь ли нам, где в этот раз пройдет наизнаменательнейшее событие зимы — Бакшевская Масляница?

Мы — компания веселых туристов... публика весьма разншерстная но позитивная.

Количество людей в нашей компании не определено... собираются ехать приблизительно 5... 15 человек...

* * *

Впервые попали к Вам на праздник в далеком 1999 году, и с тех не пропустили ни одного штурма!

В этот раз хотим с ночевкой поехать... если получится...

С правилами поведения (БЕЗ спиртного, БЕЗ авто) ознакомилсь, обязуемся соблюдать! С нетерпением жду ответа!

Мой номер телефона — ***** Если вдруг смогу быть чем то полезен — звони.

* * *

Доброго времени суток!

Нам прислали ссылку на масляницу и мы хотим присоединиться. Нас два человека (парень и девушка).

На Бакшеевской масляницы не были ни разу, но знаем где находится Бакшеево), Но Лёша объяснил, что место встречи совсем не Бакшеево. Мы оставляем заявку и ждём приглашения! Вредных привычек у нас нет. Можем взять гитару.

* * *

Предлагаю придти на поляну, и накормить народ пельменями (магазинные, 3 пачки), с маслом и майонезом. Желательно — завтра, 7 февраля.

* * *

Добрый день, уважаемые организаторы!

Слухами Земля полнится, и до нас уже который год доходят вести о небывалой маслянице, устраиваемой Вами в далеких уголках московской области. И наповерку оказывается, что друзья-то наши на Вашем гулянии уже побывали, а мы-то всё никак решиться не можем. Посему, заручившись поддержкой «бывалых», собираемся мы в этом году отправиться с ними к Вам.

Мы — две веселые, в меру упитанные девчушки в полном расцвете сил, как сказал бы заморский Карлсон. Хотим не только посмотреть на диво-дивное — сборище людей радостных и незамерзающих, но и сами поучаствовать в хороводах и заиграшах. Примите нас гостями на гулянии и расскажите, как до Вас добраться, а по возможности, мы и друзьям нашим, собирающимся блины печь да костер поддерживать, помочь сможем.

* * *

...И готовы приехать и помочь вам 13 февраля. Нас три девушки и один сильный парень. Готовы помочь в возведении снежного городка, снежных баб и дед и т.д. и т.п.

* * *

Здравствуй, Аркадий!

Очень хочется получить возможность приехать в этом году на нашу масляницу!

Позволю себе отметить несколько жизненных моментов, связывающих меня с ней и с тобой:

- Сенеж 1991 год;
 - Розовая караулка, Шапель, Арсенал и Большой каприз...;
 - Олег Назаренко;
 - МИША, разумеется;
 - Ваня Кабанов, у него учится теперь моя дочь (фольклорный ансамбль «Крупица»);
 - и ещё очень многие, чьи лица и имена навсегда в моей памяти и в моей жизни;
 - Масляницы с 1991 года...
- Я очень буду ждать рассылки... я очень надеюсь увидеться...

* * *

Добрый вечер, уважаемый Аркадий! Только что прочитали новости на сайте... Искренне сожалеем, что нашлись настолько бесчеловечные и бессовестные люди, которым не дают покоя веселье и радость стольких людей!!! Полностью поддерживаем Вас в том, что все равно праздник должен состояться и добро в любом случае победит!

Мы вот уже 3 года подряд ездим на Вашу масляницу и должны Вам сказать, что это самый лучший, весёлый и дружный праздник, на котором мы когда-либо были! Ни в коем случае не теряйте своего настроения — то, что вы делаете, просто бесценно для всех любителей русской культуры, природы и просто настоящих народных гуляний!!!

И в этом году мы очень хотели бы приехать на Ваш праздник и поддержать сложившуюся традицию (в том числе и в нашей семье и среди наших друзей)!!!

Пожалуйста, сообщите нам как проехать... Нас будет четверо и мы поедем на электричке. Все правила мы знаем, ибо ездим уже не первый раз. С радостью поможем, чем можем!!!

* * *

Добрый день, друзья!

Мы своей семьёй бываем на празднике каждый год с 1996 года. Мы просто влюбились в это торжество после того как стали посещать это великое пиршество. Бывало, сами участвовали в штурме, сейчас присутствуем как группа поддержки воинов! Очень любим все затеи, хороводы, песнопения и, конечно же, блины!!! Несколько раз участвовали в построении снежных фигур. Очень неприглядно смотреть на пьяных молодчиков... Спасибо, что вели сухой закон! Участники этого праздника не нуждаются в дополнительном разогреве.

В этом году тоже собираемся посетить чудо-действо. Пока планируется четыре взрослых. Слова песен выучим, блины привезём или поможем печь, добираться будем общественным транспортom.

Ждём от вас конкретного адреса, места проведения масляницы!

* * *

Здравствуйте, Наталья.

Не первый раз приезжаем на масляницу, в этот раз хотели приехать в составе 5-6 человек (нас 3 архитектора, журналистка, музыкант и лыжный тренер, который играет на дудочке. Назовемся мы, пожалуй, «Шустрыми ножками», если требуется придумать название, потому как все очень любим бывать в интересных местах и странах.

Составитель — Татьяна Подгорная

Павел Матасов,
Валентин Харгалёв

Про Медведя

Действующие лица:

Д.— Девица-красавица

В.— Воевода

М.— российский советский Медведь

Первое действие

Д. Вставай, Медведь! Хватит спать! Без тебя никак не обойтись.

М. Что опять?! Крокодил солнце в небе проглотил?! Без медведя, как без рук?

Д. Нет, не в этом дело. Помощь твоя нужна.

М (*озирается*). Ну, тогда сами справитесь. Вон волонтеров-то сколько по объявлениям набрали. А я послулю ещё.

Д. Вставай, Медведь! Хватит спать! Пора Весну встречать!

М. Ты, девка, в своём ли уме? Вокруг-то посмотри. Снега, да метели. Какая весна?! Не до шуток мне. Спать охота. Отстань!

Хоровод.

Д. Вставай, Медведь! Хватит спать! Олимпиада началась.

М. Ой, знакомое слово. Постой, постой, ты ничего не путаешь? Какая олимпиада зимой?! Зимой же медведи спят.

Д. Да говорят тебе, лежебока, что весна на пороге! В Канаде уже огонь зажгли. И нам пора.

М. Подумаешь, огонь, Олимпиада! Что я, олимпиад не видел? Медали даже вручал. А потом сослали меня. До свиданья, скажи, наш ласковый Миша. Возвращайся в свой сказочный лес. Вот я и вернулся. И спать залёг. И сплю. Отстань, сказал!

Хоровод.

Д. Вставай, Медведь! Хватит спать! Совесть надо иметь! Вон сколько народу собралось. А ну, вставай сейчас же!

М. Вот не спится же людям! (*озирается*) Что-то место не узнаю. Укладывался я ещё в СССР. Где я?

Д. В России.

М. Сам вижу, что не в Канаде (*принюхивается*). Да и русским духом пахнет. Какие же все хорошие, аппетитные, когда трезвые. А Камчатка ещё в России?

Д. Конечно!

М. Ну, вот видишь. А в Петропавловске-Камчатском полночь! Все медведи спят.

Д. Ох, отстал ты от жизни, косолапый. Президент Медведей велел, чтобы солнышко везде у нас раньше вставало.

М. Президент Медведей?! А год-то сейчас кого?

Д. Год Тигра.

М. Вот пусть Президент Тигров своего тигра и будит. Где тигр? Нет тигра? Вот и меня нет. Сплю я. Уйди.

* * *

Вот у меня дед — сибиряк. На медведя один ходил! Однажды с редким уссурийским медведем за руку поздоровался! Так он с тех пор эту руку не моет. Так, почистит, смажет, болты заменит и нормально! (анекдот)

Второе действие

М. Ты кто таков?

В. Я есть здешний воевода, поджидаю весну с прошлого года! Здравствуй, моё верное войско! Здравствуйте, почтенные масленичные господа! Ответьте-ка мне дружно: что вы пришли встречать сюда — зиму или весну? (*все: Весну!*) Слышал, Медведь, чего все хотят? Отдавай нам нашу Масленку! Нам надо с ней огнем попрощаться, да Весну встретить!

М. А я, как раз, не хочу с Зимой прощаться! Мне ещё спать и спать!

В. Довольно тебе сосать лапу в берлоге! Весна на пороге! Отдавай Масленку!

М. Какая весна?! Холодрыга! Снег вокруг! Дубняк! (*другие зачитники поддерживают медведя, показывают, как им холодно*)

В. Да разве это холод?! Что, войско моё верное, покажем Зиме, что мы её не боимся? Пойдём на баню! Много мы в этом году погуляли, погребели. И ты, Медведь, провинился — Масленку у народа уводом взял. Надо грешки посмывать!

(Девки из толпы поют частушку: «Пойдем, миленький, на баню, я тебя забарабаню...») Иди сюда, Медведь! Вместе попаримся — согреешься!

У нас и венички заготовлены! Похожу тебя веничком! Поддай парку!.. А там мыла-то у кого нет кусочка? Помыться... Бать, дровишек подбрось! Ох, хорошо, жарко!

М. Всё равно не сдамся!

В. Ну, не хочешь, Медведь, по-хорошему, мы у тебя нашу Масленку силой возьмём! Вперёд! На штурм!

За две точки до беды

Файл, обнаруженный при странных обстоятельствах

Уважаемые «рождественцы», здравствуйте!

Теперь, когда ситуация благополучно разрешилась, — а она разрешилась именно благополучно, даже если вы в этом пока сомневаетесь, — нам стало можно наконец обратиться к вам с этим посланием и расставить некоторые точки над некоторыми буками. Прежде всего просим прощения, что не представимся сразу, но всему своё время. Пока же позволите именоваться абстрактным «мы», которое позже будет с максимально возможной степенью открытости расшифровано.

Итак, мы узнали о вашей компании недавно, в прошлом году, сразу после того, как вы сделали выбор места для проведения массляничных гуляний. Как вы понимаете, речь идёт именно о месте, где тактовые *планировались*. Мы внимательно ознакомились со всей вашей группой, её традициями, привычками, образом мысли и действия каждого члена, при этом соблюдая полную анонимность и незаметность для вас. Не волнуйтесь, это всегда делается абсолютно законно (в любом понимании слова «закон») и не может привести к каким-либо утечкам информации и причинению ущерба (по крайней мере, на этом этапе).

Мы знаем, что утверждение этого места проведения праздника было не единодушным, у вас были споры и разногласия. Возможно, и сами спорящие не всегда отдавали себе отчёт в мо-

тивах своих действий, но сейчас уже можем сказать без утайки: мы вмешались в ситуацию на этом этапе, всячески пытаясь посеять сомнения и не допустить принятия неверного решения. Поначалу наши действия были максимально осторожными и аккуратными, но, к сожалению, это не принесло ожидаемого результата.

Вы спросите: а какого результата мы хотели достичь? Настало время ответить. Нам было необходимо сделать так, чтобы в данном месте в данное время данное действие не состоялось.

Поскольку мы не ограничены в выборе средств и руководствуемся лишь соображениями целесообразности, в дальнейшем напались более активные действия. Мы организовали похищение продуктов. Вы это заметили, но не отреагировали. Мы напустили на вас милицию. И это не сработало. Был подготовлен серьёзный конфликт с хозяевами известной вам плантации. Хозяева оказались ненадёжным контингентом (что с таких возьмёшь...), и план сорвался. Проводилась работа с местными властями, но это дело не быстрое. А время, между тем, уходило.

Мы перешли к неприятным, нелюбимым нами самими грубым и грязным методам воздействия. А что поделаешь?... Так что и ёлка упала именно так, как она упала, не сама по себе, и бензопила пропала не случайно. Одного потенциального скандалиста пришлось отправить к чёрту на рога за Полярный круг. В конце концов, бригада «тонтон-макутов» поставила, как нам казалось, точку в этой истории. Обычно после такого все вопросы бывают сняты. Но мы вас недооценили!

Пришлось очень сильно надавить на кое-кого в местной администрации и вокруг неё — и, как всем известно, результат, наконец, был достигнут. Мы вынудили вас изменить место проведения праздника, и это позволило провести его весело и успешно, к вашему и нашему удовольствию.

Возможно, да что там — совершенно точно, далеко не все из вас являются фаталистами или вообще забивают себе голову этими проблемами. Поэтому скажем коротко, без всякого желания вступать в полемику (не хочешь — не верь): *Будущее*, — то есть некие ещё не случившиеся события, — конечно же, заранее не predetermined. Однако их сценарий, основная канва — predetermined. Но не целиком: в развитии каждого большого *События* есть несколько поворотных точек, *точек выбора*. В момент прохождения такой точки возникают несколько вероятных «веток», то есть возможные варианты, из которых вы выбираете один и двигаетесь до

следующей «точки». Если пропустите последнюю из них — Событие становится неотвратимым. Наша служба, которая, как вы можете догадаться, и опасна и трудна, как раз и занимается отслеживанием возникающих на нашем пути опасных вариантов и «спихиванием» вас на другую ветку. По большей части это делается мягко и ненавязчиво, то есть вам даётся намёк, но если он не понят — дело ваше, решайте, как хотите. Однако в описываемом случае всё было гораздо серьёзнее. Случай был, прямо скажем, совершенно неординарный.

Вам интересен возможный сценарий, с которого мы вас с таким трудом спихнули? Подробности не назовём, и не только из-за соображений секретности — их просто не знает никто. Но суть такова: если бы вы остались на той поляне, то на вашем юбилейном празднике произошло бы очень серьёзное ЧП. Вероятно, с жертвами. Этого допустить было никак нельзя, иначе говоря, мы должны были успеть до последней «точки», успеть любой ценой. Поэтому у нас были разработки и дальнейших действий — с парализацией железной дороги, с закрытием района на карантин, да хоть с падением метеорита — возможности, как уже было сказано, неограниченны.

Ну и, наконец, пришло время для ответа на вопросы: «Кто вы?» и «А почему именно к нам у вас возник интерес?»

Можете называть нас ангелами-хранителями, если так удобно и привычно. Хотя на самом деле мы относимся к несколько другому ведомству. Мы — небольшой филиал всемирной системы оптимизации мира. Она существует, кто бы и что бы ни говорил. Она работает по своему плану, и мы, не зная его целиком, лишь выполняем свою часть глобальной задачи. Помните, как писали Стругацкие? «*Не спрашивай меня, — говорил Вечеровский, — почему именно Малянов и Глухов (замените фамилии героев на «Рождественку») оказались ласточками грядущих катаклизмов. Не спрашивай меня, какова физическая природа сигналов, потревоживших гомеостазис в том уголке мироздания, где Глухов и Малянов затеяли свои sacramентальные исследования («праздник в Косулине»). Вообще не спрашивай меня о механизмах действия Гомеостатического Мироздания — я об этом ничего не знаю...*»

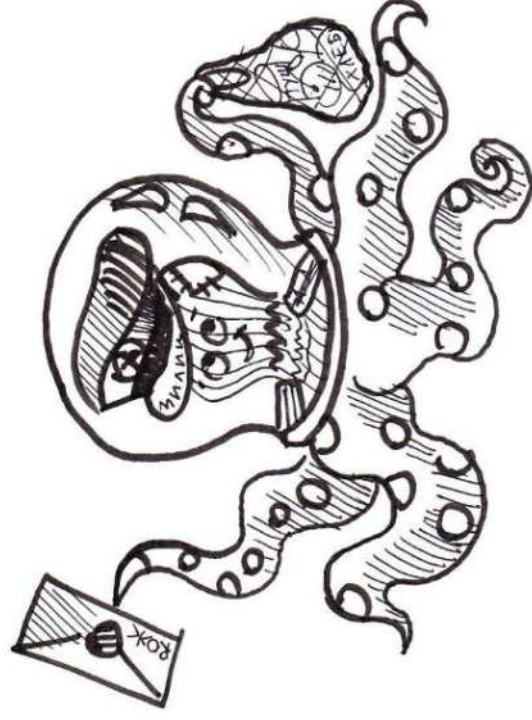
И мы не всё знаем. Но многое можем. В отличие от персонифицированного ГМ Стругацких, мы вполне реальны. Нам нельзя позвонить и сделать заказ, но нас можно вовремя услышать и во время остановиться и свернуть...

Мы очень рады, что наше знакомство завершилось благополучно. Надеемся, в этом вы больше не усомнитесь?

Ваши доброжелатели

(Текст в автоматическом режиме направляется на компьютер кого-нибудь из вас для передачи на всеобщее ознакомление.)

От редакции. Текст получен нами от *Виталия Чабаева*. Можем предположить, что авторы данного письма выбрали на роль передатчика своей информации именно его. К сожалению (или к счастью для всех), вступить в прямой контакт с кем-либо из рождественцев в их планы не входило.

Пароль — 238...

Мальчики ясли-сада № 2010 «Рождественка»

Загадки «Кто есть кто?»

(из материалов поздравления на 238 Февраля)

* * *

Этот мальчик всегда — «Ода». Бывало, скажет кто-нибудь из ребят: «А давайте играть...», и он тотчас: «Чур, я вОда!». Мальчик учится на волшебника, только никому об этом не говорит. Но это и так всем видно: вот приходит этот мальчик на полянку, махнёт ручкой — горка на детской площадке появилась. Махнёт другой — столик. Махнёт третьей — навес над песочницей... Если посчитать, сколько всего в садике он сделал, то можно представить, сколько у него на самом деле рук.

(Димарик)

* * *

Этот мальчик во всём знает толк. И в лесенках, и в кубиках, и даже в трёхколесных велосипедиках. Он очень любит гулять по известным даже для воспитательниц дорожкам детского садика, но ещё ни разу не потерялся. Зато мальчик нашёл там много новых песочниц, и заведующая говорит, что теперь деткам есть, где играть.

(Ванькузя)

* * *

У этого мальчика есть прикольный телефончик, который всё время звонит. Ребёнку так нравится в него играть! А ещё ему

нравится кататься. Недавно плохие мальчишки сломали Аркаше са-ночки. Но он не унывает — ведь у него есть друг, мальчик Ванькузя, который обязательно покатает его на чём-нибудь другом.

(Аркаша)

* * *

У этого мальчика когда-то был красивый флажок, и он рисовал для ребятток картинки. Но теперь мальчик всё больше сидит в холдном изоляторе и горько плачет. Потому что сам себя в нём за-пирает. Тётя медсестра сказала, что ребёнку в изоляторе делать нечего, потому что у него ничего не болит. Разве что голова. Так и сказала: «Больной на всю голову!».

(Чабайка)

* * *

Этого мальчика наказывают, если ребята расшалаются. Как группа шумит или забалуется — воспиталка сразу вызывает мальчика и ставит его в угол. Он иногда наблюдает за птичками. Особенно ему интересна птичка сапан. Хоть она большая и бы-страя, он её ни капельки не боится! Мальчик пока не может решить, кем он хочет быть: или гастарбайтером, потому что любит строить всякие стеночки, или милиционером, потому что любит говорить по игрушечной радиации, или профессором, потому что в очках.

(Жучок)

* * *

Этот смелый мальчик иногда играет в другой песочнице. Он ча-ще других деток ездит в детский профилакторий «Островки». Там он гуляет в лесу и считает, сколько шагов от ёлочки до ёлочки. Рядом с профилакторием есть очень большое и очень холодное озеро. Однажды смелый ребёнок сел в большую лодочку, синюю изнутри, и долго-долго плыл через льды по азимуту. Воспиталки насилу его вернули. Зато теперь все зовут его «Морской Волк».

(Венчик)

* * *

Этот мальчик любит прятать игрушки так, что другие детки по-том не могут их найти. Однажды, когда ребята собрались на ре-петицию утренника, он попил несвежей «Агуши», и ему было пло-хо. Но потом, на самом утреннике он вообще почти не пил «Агуши»

и был примерным мальчиком! Этот ребёнок всех спасает. Если Ната горько плачет, уронивши в речку спальныйник, говорят ей все: «Не плачь! Этот мальчик вынет мяч!».

(Саняфоня)

* * *

Этот мальчик любит играть в плюшевого мишку. И еще любит тихий час. Воспитательницы зовут мальчика «почемучка». Он всё время обо всём спрашивает: «А где? А кто? А почему?..». Поэтому про всех всех ребяток всё-всё знает. Он даже помнит, как отчество мужа двоюродной сестры знакомого соседки дедушки нашей нянечки. Мальчик очень быстрый и всегда всё успевает, хотя у него очень мало времени. Еще он страдает лунатизмом. Ночные нянечки знают, что сейчас он спит, но ровно в четыре утра он проснется, пробормочет что-то о реющем в вышине ЛЭП-500 со стальными глазами, а потом снова уснет. Это привычка, выработанная годами. Мальчик любит «Агушу», но она его практически не берет. Даже несвежая.

(Матасик)

* * *

Этот мальчик играет в машинки. Машинка — вжжж! — туда, — вжжж! — сюда, — вжжж! — отсюда, — дрым-брым-брым!.. Застряла. У мальчика есть солдатики, и он умеет ими командовать. Музыкальный работник говорит, что у ребенка хороший голос. Как запоёт: «Бра-а-ацы, надое-е-ела!!!», — все солдатики прямо падают в разные стороны.

(Валик)

* * *

Этот мальчик в наш детский садик записался задолго до рождения. Он с другими ребятами любит играть в мячик. Венчик иногда дает ему пас. Мальчик здорово играет во всякие настольные игры, где надо бросать кубик и делать фишечками ходы по разным тропинкам. Иногда сам эти тропинки дорисовывает.

(Ивашка)

* * *

Этот мальчик может запустить разом несколько тысяч самолётиков в разные окошки. Ещё может останавливать паровозики. Взглядом. Про таких ребяткишек взрослые говорят: «дети индиго».

Он пришёл к нам в группу из другого садика. У них там тоже утренники бывают, только летом.

(Альт)

* * *

Этот мальчик умеет играть на металлофоне и на треугольнике. Раньше он часто играл то на металлофоне, то на треугольнике, так, что даже воспитательницы с нянечками плакали и хлопали в ладоши. А сейчас перестал. Наверное, потому что стал старше.

(Олежка)

* * *

Когда в садик приходит комиссия, этот мальчик залезает на табуретку и читает стишок. И все думают, что он тут самый лучший мальчик в группе. И все его фотографируют. А он тогда читает ещё один стишок. Этот мальчик много стишков знает! А для гостей утренника у него всегда готово судно.

(Максик)

* * *

Музыкальный работник боится, что скоро его уволят, а на его место возьмут этого мальчика, потому что у него лучше получается. Уже сейчас родители деток иногда путаются и хотят сдать по сто рублей за жировки не музыкальному работнику, а мальчику.

(Полишурик)

* * *

Этот мальчик ездит везде без взрослых, прям совсем один. Он не любит одеваться. Воспитательница боится давать ему конструктор «Лего», потому что он даже из обычных детских кубиков смог построить рядом с нашим детским садом ещё один, с башенками. При этом ребёнок любит играть в куклы и даже сам их мастерит.

(Дениска)

* * *

Этот мальчик прокладывает дорожки от песочницы до веранды и умеет делать «секретики». Он фантазёр и выдумщик. Знает много всяких историй. Так и говорит: «Я историю знаю!..». Мальчику очень нравится одна девочка. Он иногда дёргает ее за косички, но потом обязательно с ней мирится.

(Карома)

ши на год вперед, теперь ходит раздетый, голодный, но счастли-
вый. Мальчик лучше всех ребяток умеет лепить куличики. Куличики
у него вку-усные!

(Мангальчик)

* * *

Говорят, во время тихого часа этот мальчик иногда поднимает-
ся над раскладушкой и несколько минут висит в воздухе. Говорят,
на завтрак нянечка кладет в его тарелку гвоздики и винтики для
вкуса. Говорят, он знает такие скороговорки, от которых над сади-
ком расходятся тучи. Мальчик любит лазить по разным горкам.
Там он собирает всякие листики, корешки и красивые камешки. Из
листочков и корешков малыш делает игрушечный компотик, кото-
рый очень вкусно пахнет. Ни одна девочка в группе не умеет де-
лать такой компотик!

(Андрюня)

* * *

Этот мальчик сейчас на карантине и в группу почти не ходит.
Он любит птичек и зверей, особенно лягушек. Раньше он рисовал
их с натуры, а теперь — только по памяти. Ему сказали сидеть до-
ма на карантине и ждать. Вот он сидит у окошка, грустит и ждёт.
А чего ждёт — и сам не знает.

(Торубашечка)

* * *

Ходят слухи, что этот мальчик в садике не один, а их таких пять
братьев-близнецов. Или даже шесть. Потому что, когда одни ре-
бятки играют с ним в салочки у песочницы, другие в это же время
лепят с ним из пластилина в раздевалке, а третьих он угощает ле-
денцами на веранде, а четвёртые поют с ним песенку в зале для
музыкальных занятий, а с пятыми он сидит на горшке в туалете, а
с шестыми... В общем, этот мальчик есть везде и всегда.

(Маркоффка)

* * *

А этот мальчик — хулиган. Он всем показывает фигу и высовы-
вает язык. Ещё он поймал один раз в зоопарке павлина, вырвал у
него перо из хвоста и вставил себе в голову. И так ходит. Встанет
у калитки детского садика и заставляя говорить нехорошие слова.

* * *

Нянечка едва успевает уследить за этим мальчиком. Он то и
дело норовит проглотить какую-нибудь монетку. Ребенок в садике
очень-очень давно. Никто и не помнит, как он сюда пришел.
Говорят, ещё сама заведующая ходила в ясли, а мальчик уже был
в старшей группе. Воспитательницы очень любят его за то, что по-
сле тихого часа он своим голосом может разбудить весь садик.

(Стасываныч)

* * *

Этот мальчик хочет быть скаутом, а скаут умеет делать всё. Он
починил деткам качельки, сделал детскую площадку, воткнул в пе-
соchnицу палочку с призами. Мальчик любит, когда всем весело. На
утреннике он поёт, рассказывает анекдоты, водит хороводы, пля-
шет так активно, что музыкальный работник прячется за пианино.
Ребёнок выучил все роли в детском представлении: и зайчика,
и белочки, и ёжика, и лосика, и даже косульки. Все детки любят
малыша и представляют, что он им ещё покажет!

(Зорюшка)

* * *

Этот мальчик строит домики из диванных подушек, раскладу-
шек, стульев, банкетов — в общем, из всего, что найдёт в группе.
Иногда деткам бывает не на чем сидеть на занятиях, зато с доми-
ком интереснее. Детки знают, что мальчик добрый и трудолюби-
вый, особенно когда «Агушей» не увлекается. Ребёнок любит, ког-
да всем тепло, и всегда ставит батарею в группе на самый
максимум.

(Албелка)

* * *

Этого мальчика никто никогда не видел. Но все знают, что он есть.

(Ромикшеф)

* * *

Этот мальчик очень щедрый и всё время ищет приключений.
Недавно он позвал к нам в группу деток с дальнего двора, пои-
грать. Чтобы деткам было, где и чем играть, он разбил свою
копилку с мелочью, отдал деткам свою раскладушку, все свои иг-
рушки, свою порцию рассольника, омлета, запеканки и манной ка-

А если детки не хотят ругаться, он их снегом забрасывает и в сугробы скидывает. Родители на него очень сердятся, а детки довольны.

(Палборис)

* * *

Раз в году у этого мальчика случается дежавю. Он начинает путать имена. Подходит к нему Димарик и говорит:

— Давай играть в волейбол! Чур, я — вОда!

— Какой же ты вОда? Ты — Ерёмка!

— А ты тогда кто?

— А я — Фомка! А хочешь, я тебе киношку покажу? Я сам сделал...
Вот так поспорят-поспорят и разойдутся до следующего года.

(Баевова)

* * *

Этот мальчик немножко дикий, потому что воспитательница нашла его недавно в лабиринте. Он там с лета прятался. Ребёнок любит задавать взрослым сложные вопросы: как устроен садик? Зачем в него детки ходят? Почему некоторые детки садик не любят? Так может часами распрашивать.

(Михей)

* * *

Этот мальчик умеет читать и писать и знает даже ещё больше историй, чем Карома. Мальчик не любит играть с девочками, а с мальчишками любит. Особенно в мячик. Иногда он тоже дает пас Ивашке. А ещё он любит ходить в гости к своей знакомой старенькой-престаренькой бабушке. И она его тоже очень любит.

(Алёша)

* * *

Этот мальчик появляется в песочнице раз в году, потому что всё там уже давно знает. Каждую песчинку. Он приходит на музыкальные занятия, но в хоровод с детишками не встаёт, потому что всё там уже давно знает. Каждую нотку.

(Юрик)

* * *

Этот мальчик всегда улыбается, и ему всегда хра-а-ашо. Он любит, когда детишек водят в бассейн. Там мальчик медленно

плывет по течению, никому не мешая. Когда завхозу детского сада дика надо переташить с места на место горку, качельки или бетонную плиточку, он зовет мальчика, зная, что тот сделает всё хра-ашо. Иногда деткам разрешают плавать не только в бассейне, но даже в озере, правда, в «лягушатнике». Но ребёнок знает, как улизнуть из «лягушатника» и понырять на глубине.

(Большой)

* * *

Этого мальчика очень любят разные букашки и таракашки, потому что он поёт им песенки, играет на гармошке, а с комариком даже пляшет. У мальчика с музыкальным работником есть смешная игра. Когда музыкальный работник мигнёт, мальчик должен быстро сказать: «Фадиез!». Никто не знает, что это такое, но получается очень смешно, и все детки радуются.

(Пиливала)

* * *

Этот мальчик любит запускать весной кораблики. У него есть любимый кораблик, название которого многие детки ещё не могут выговорить. Когда кораблик запускает сам Шумок, он плывет по ручейкам долго и красиво. А когда кто-нибудь из детишек хочет запустить кораблик без мальчика, тот обязательно тонет, потому что не любит плавать без хозяйина.

(Шумок)

* * *

Этот мальчик очень любит сидеть в песочнице. Даже если там нет никого из детишек, он всё равно приходит в песочницу и в ней играет. Как ни придёшь в песочницу — глядь! — а мальчик уже там. То куличики делает, то девочкам суп для кукол варить помогает. Хорошо у него выходит! Малыш обожает детскую дачу «Островки». Там всегда много девочек, которым можно помогать. Ещё мальчик обладает уникальными способностями: он может попить воды из лужи и сказать, можно ли её было пить.

(Пятница)

* * *

Этот мальчик давно уже закончил детский садик и ходит в школу, но регулярно посещает утренники в подготовительной группе

и даже иногда играет деткам на металлофоне. В школе он уже выучил целых три буквы: Пы, Сы и А. На каникулах он любит ездить далеко на север, к бабушкам, а потом приезжает и сочиняет сказки обо всём, что там увидел.

(АСП)

* * *

Этот мальчик любит строить шалашик в самом дальнем углу детской площадки. Он играет только в оловянных солдатиков, марширует вместе с ними и играет им на барабане.

(Леший)

* * *

Этот мальчик любит драться, но на него никто не обижается, потому что он делает это понарошку. Ребенок всё время поёт. И на улице поёт. И в группе поёт. И во время еды поёт. И когда на лыжах ходит, тоже поёт. И во сне, говорят, даже поёт. Потому что песенки, которые он любит петь, очень-очень длинные.

(Федюша)

* * *

Этот мальчик читает стихи деткам на непонятном языке. Знает, как правильно сказать «хенде хох» и «по-немецки цацки-пецки». Ещё он умеет разговаривать с машинками. Командует им: «Авто — стоп!». Они останавливаются, и он едет на них туда, куда хочет.

(Митюша)

* * *

Этот мальчик ещё маленький, но уже умеет играть в кубики, говорить и петь, поэтому его зовут участвовать в утренниках вместе с подготовительной группой. Его даже пускают посидеть на Завалинке и поболтать о том — о чём со взрослыми. Мальчик играет с детками в путешественников и выходит далеко на восток за территорию садика.

(Павлуша)

* * *

Этот интеллигентный мальчик почти каждый день бывает на Красной площади и ходит в музей. У него есть красивое красное

пальтишко, красная шапочка и сабелька, прям как настоящая! Мальчик надевает свой костюм и на утренники, и просто так, каждый день. Он любит гулять с детками из других садиков по городу и показывать им всякие интересные места.

(Зубашка)

* * *

Этот мальчик одевается в красивый французский костюмчик, садится на свою машинку и, на радость родителям и всему детскому саду, рассекает на ней по району. Однажды он притащил в песочницу одну прикольную тяжёлую шутовину. Мальчик говорил, что от неё будет тепло и светло, но она только жужжала и пахла бензином. Это тоже было прикольно и деткам всё равно понравилось.

(Димака)

* * *

У этого мальчика есть настоящая будёновская шапка. Ему очень нравятся собачки. А собачкам очень нравится мальчик в настоящей будёновской шапке. Скоро у мальчика появятся ещё «левчиская» и «танкиская» шапки, и тогда все собачки вообще помрут от зависти.

(Пионерчик)

* * *

Этот мальчик появляется в самых неожиданных местах группы, когда его никто не ждёт. Даже если воспитатели заперлись в кабинете у заведующей на педсовет, то в каком-нибудь углу обязательно обнаружится этот мальчик. Даже если детки уедут куда-нибудь далеко-далеко, он их обязательно догонит или встретит уже на месте.

(Лёнчик)

Девочки ясли/сада «Рождественка» № 2010

* * *

Эх, женщины! Я б вам *такого* написал,
Когда б я был поэтом или бардом.
Да только слаб я, хил и ростом мал,
И на щеках не вьются бакенбарды...

Я б вам писал про солнце, про луну,
Про шум прибой, ночи у причала,
Как две струны сливаются в одну
И как любовь берёт своё начало...

Во льдах подснежник в марте наблюдать
И радугу в саду в конце июня —
Я мог бы долго это смаковать,
На полстраницы распуская слюни...

И, если честно, я не знаю, что...
Что подарить вам, дамы, грандиозного.
Всё уже было... лет назад так сто —
Все эти присказки с духами и мимозами!

Концептуальный нужен здесь подход!
Задвинем в угол штампы и стандарты!
Поднявши знамя, гордо прём вперёд,
К триумфу *нового* Восьмого Марта!
Я поздравляю *вас*, но пожелаю сам
Себе любимому, коль скоро я мужчина,
Всегда чтоб рядом больше было дам —
Вот так вот запросто, без смысла и причины!

Пусть будут эти женщины, как свет,
Сиять своею красотой безбрежной,
Хранить задор и свежесть юных лет
И жизнь любить так искренне и нежно!

Мечтать не вредно, и хотеть не грех...
Вот написал я радости картину.
Так будьте ж счастливы! Люблю вас всех!
(Ну, если и не всех, то половину!)

Пути-дороги...

Откуда взялись алтайские

Марина Тропинская

Прошлым летом мы решили посетить Алтай. Лёша наконец сделал мужественный шаг, оставив свою тяжелую работу, которая последний год забирала всё время и силы. После такого выдыха нужна была сильная встряска. Алтай казался подходящей процедурой. И мы не прогадали! Нашли по Интернету группу, идущую в скором времени на Белуху, сели в поезд до Барнаула (двое суток), затем до Бийска (2 часа), потом на единственном в день местном автобусе добрались до села Топольное на границе с республикой Алтай (3 часа), а на следующее утро уже ехали в «газели» в сторону Белухи (около 5 часов до турбазы «Высотник»).

Группы к Белухе из Топольного водит очень симпатичный человек Евгений К., который переехал в Топольное лет 15 назад, купил 2 домика и сделал в одном маленькую турбазку, чтобы принимать хороших людей (250 рублей в сутки за место). Раза три в год водит группы на Белуху (путешествие дней на 10-12), а остальное время принимает гостей в Топольном. Там тоже есть что посмотреть. Горы, правда, не такие высокие, как в Горном Алтае, но одна есть высотой 1200 м, и водопады в округе есть, и знаменитые пещеры.

Группа из 7 человек собралась из разных городов. Люди очень разные, но замечательно совпали по какому-то внутреннему настрою, так что продолжаем общение и сейчас и строим планы на лето.

Не буду долго описывать путешествие. Белуха совершила реанимацию Алексея и оставила нас в восхищении и добром здравии и даже раскрыла глаза на некоторые вещи, которые были непонятны до этого. Очень рекомендуем всем пройти этим маршрутом.

Вернувшись с гор в село Топольное, мы еще немного пожили в гостеприимном доме у Евгения и познакомились с некоторыми местными жителями. Среди них оказалась Елена — учитель местной школы и руководитель школьного фольклорного коллектива. Мы показали материал о нашей Маслянице, и им, конечно, очень понравилось. Мы их пригласили, а они неожиданно не отказались. Дальше было много работы и переговоров для организации их приезда. Это полностью взял на себя Алексей Борисович, у которого после необыкновенного летнего опыта общения с высокими горами (мы потом сходимы еще к Эльбрусу) заметно повысился уровень жизненных сил и здоровья. Дальше Алексей расскажет, как он помог алтайским очутиться у нас на Маслянице.

Алексей Филатов (Мангалчи)

Я всю жизнь мечтал расширить народное пение на нашей Маслянице. И тут судьба подбросила мне контакт с настоящими певцами из глубинки. Главное — уши требовали. Остальное — дело техники. Как всё на нашей Маслянице, и это склеилось как бы само собой: Бог послал Башню с матрасами, не вем ангел, не вем человек профинансировал билеты в Кремль и ГИМ, в Уголок души Дурова. Вечером собрались в Башне, и Кабанов с алтайскими пели антифоном! Перебрали множество песен, много было общих, но и новых друг для друга исполнили немало. Прямо по алтайцу Шукшину — душа получила праздник.

Кое-кто сомневался, что на кулуарной детской Маслянице нужны «посторонние» люди. Этого я никак не мог понять — как могут быть чужими поющие родное? Жизнь показала, что пением все восторпы были сняты. Все барьеры были разрушены, которые сейчас есть между Москвой и провинцией, городом и деревней. Праздник получился. Видел, как наши обменивались с ними адресами. Похоже, Алтай сделался нам ближе, и контакты наладились прямо.

Ребята были довольны страшно! Удивительно, но больше Кремля и театров им в память врезалась наша лесная Масляница. Одна из участниц поездки, Алёна, пишет, что у них заметно повысилась самооценка. Какой им был подарок двое суток под стук колёс!

Но это ещё не всё. Главное — впереди, когда мы с Валей и Наташей Харпалёвыми раскрутим под крылом РФС настоящий фольклорный фестиваль на нашем празднике.

Наталья Харпалёва, Виталий Чабаев

Дурпоходная лирическая — 2

Я буду долго гнать велосипед,
В глухих снегах его остановлю,
По телефону передам привет
Той девушке, которую люблю.

Я ей скажу: «Я здесь совсем застрял!
Вокруг меня — непроходимый лес.
Я так замёрз... Я так оголодал...
Пришли координаты «джи-пи-эс»!»

Она напишет. Позже. Не сейчас.
Пускай туман сгущается и грусть,
Но текст набьёт, не поднимая глаз,
И в цифре ошибётся, ну и пусть!

Я буду долго гнать велосипед.
В глухих снегах его похороню.
Надежды нет. Ориентиров нет.
А не фиг слать мне всякую фигню!

Вдоль по линии Кавказа

Путевые заметки начинающего фольклориста (фрагменты)

Дагестан

26 июля. День. Едем. Пейзажи постепенно меняются. Трава становится выше, кустов больше, появляются деревья, арыки с мутной водой. Как только пересекаем границу и въезжаем в Дагестан, буддизм уступает место исламу. Возле каждой бензозаправки — небольшая мечеть с минаретом. Отдельно обязательно выделена комната для намаза.

На обочинах дороги — череда груженых фур. Готовятся везти на север арбузы и дыни.

В селениях сложены из камней причудливым рисунком ограды — наклонные, прилегающие друг к другу как паркет, каменные плиты. Многие дома сделаны из саманных блоков, глина с камышом.

Перед Кизляром останавливаемся заправиться. К одному из участников нашей экспедиции, Юрию Ефимовичу, подбегает местный пацан: «Дядь, а война, правда, будет?». Неплохое начало.

На въезде в город нас встречает машина. Представитель местной администрации. Мы едва успеваем за ним — по местным, далеко не идеальным дорогам с совершенно непредсказуемыми, произвольных габаритов «лежачими полицейскими» он едет с сумасшедшей скоростью. Здесь так принято.

О дорогах и водителях Дагестана нужно сказать отдельно. Нам показалось, что здесь какая-то особая зона, на которую не распространяются ни правила дорожного движения, принятые в стране, ни технические требования к дорожному покрытию. Знаков перед «лежачими полицейскими» не ставят принципиально. Ни о какой полосатой разметке на них речи, естественно, не идет. «Полицейский» такой может быть абсолютно любой высоты и ширины. В некоторых селениях, где «Ниссан» Юрия Ефимовича откровенно «садился» на брюхо, местные жители объясняли нам, что сделали «полицейского» своими силами и в соответствии со своим представлением о его габаритах. Их можно понять — достали личи, которые гоняют по улицам и не желают считаться ни с кем.

Соседи сбросились, купили машину асфальта и сделали себе «защитника». Теперь, друг, гоняй — не хочу!

На дорогах Дагестана действуют право сильного и право хитрого. Здесь можно ни с того ни с сего остановиться посреди дороги, выйти из машины, перегордив всю проезжую полосу, чтобы поздороваться и поболтать со знакомым, который встал на встречной. Друзья встретились, им надо поговорить, обгонять, где мир подождет. Можно не включать поворотники, обгонять, где нельзя, поворачивать, где нельзя, нестись с дикой скоростью по населенным пунктам, пролезать вперед в пробке, расталкивая соседей, и искренне возмущаться, если тебе не дают этого сделать. Здесь так ездят, и если не примешь общих правил, вернее, их отсутствия, будешь бит, затерт и далеко не уедешь. Юра с Валей долго привывкали, а потом с трудом отвывкали.

Кизляр

26 июля, вечер. Оказывается, мы приехали в Кизляр в День го-рода. На главной площади играет музыка, нарядная певица поет с эстрады что-то бодрое. Много милиции. А вот горожан не густо. На нас смотрят с настороженным интересом: приезжие, чужаки. Потом мы узнали, что перед самым Днем города поступило предупреждение о готовящемся теракте. Местные предпочли отси-даться по домам.

Предупреждение, слава Богу, оказывается липой, в городе тихо и спокойно. Мы привезли в Кизляр дождь — здесь его давно не было, и все ему рады. Потом на протяжении всей экспедиции, куда бы мы ни приехали, даже в самые засушливые места, всюду за нами следовал дождь.

Нас поселили в гостинице «Терек». Удобства на этаже, вода по часам — утром и вечером. Иногда воды нет и в положенное время. В номере нас приветствуют два огромных черных таракана на стене — из тех, которыми любят пугать западные фильмы ужасов. Но дареному коню в зубы не смотрят. Мы живем в гостинице бесплатно и благодарны за крышу над головой. В целом вполне сносно.

Огромное спасибо администрации Кизляра и низкий поклон местным казакам. Принимают нас здесь по-царски. Люди заняты, жизнь у них тут сложная и работы невпроворот. Но, понимая важность нашей миссии, ради нас они бросают все дела, организуют нам встречи, кормят-поят, при этом всегда приветливы, добры и отзывчивы.

Нас везут ужинать. Пробуем вкуснейший ханский шашлык — сердце и печень ягненка зажарены в нежной внутренней жировой пленке. Потрясающее блюдо! Мужчины обсуждают проблемы казачества, межэтнических отношений, которые здесь, конечно, далеко не идеальны. Не секрет, что казаки на Кавказе после развала Союза оказались в агрессивной этнической среде. Сохранить себя, культуру в таких условиях непросто. Да что культуру — банально найти работу, жилье, прокормить себя и близких бывает сложно. Однако живут и остаются достойными славного имени казаков. Звучат тосты за здоровье гостей и хозяев, терского казачества, за сохранение культуры. В конце ужина возникает «культурный спор»: какой тост у казаков считался последним? «На посошок», «стременная», «закурганная»... Или «за голову коня» («коню в морду»), чтобы конь головой не тряс, а то казак в стремя не попадет? Оказывается, последний тост — «шапошная», когда уже всё выпито, казак швыряет шапку о пол: «А, ну его, на хрен! Никуда не поеду!».

Станица Александрійская

27 июля, утро. Пора приниматься за работу. Едем в станицу Александрійская. В свое время здесь бывал легендарный собиратель, фольклорист и специалист по казачьей традиции Андрей Сергеевич Кабанов. Но было это давно. На наш век хватит.

Пока Валентин ставит микрофоны и налаживает аппаратуру, зав. клубом Ольга и зав. библиотекой Светлана собирают бабушек в сельской библиотеке, находящейся на втором этаже местного ДК. К сожалению, многие исполнители пришли на запись не могут. Нам не повезло: кто-то приболел, кто-то уехал. Все фольклористы во все времена слышали в экспедициях эти слова: «Эх, что ж вы не приехали год (два года, пять лет, десять лет) назад! Вот тогда казачки были! Сейчас бы позвать покойную Клавдию Степановну (Марфу Ильиничну, Ивана Кузьмича, Петра Федотыча...), вот они бы вам спели! А мы уже и не помним ничего...».

Три бабушки пришли. Атаман Степан Автономович привез еще одну, самую пожилую, 1925 года рождения. Подключилась к записи сама заведующая библиотекой, женщина еще довольно молодая и активная. Она, оказывается, тоже поет, знает всю местную старинушку, во время записи ведет основной голос. Очень активно ведет. Иногда даже чересчур. Не всегда попадает в мелодию. Помнит все слова, очень хочет нам помочь, но исполнение получается натужным. В какой-то момент бабушки не выдерживают,

останавливают молодую, начинают поправлять и разбираться, где же та все-таки не так песню поворачивает...

Условия сеанса аудиозаписи в «полевых» условиях таковы, что бабушкам приходится несладко. На улице и так жара, а мы еще вынуждены держать закрытыми все двери и форточки, не включать ни кондиционеры, ни вентиляторы (их, впрочем, тут и нет). Нужен чистый звук, без помех, без рева мотоциклов, щебета птиц, детских голосов и прочего внешнего шума. Наученные горьким опытом прошлых экспедиций Валентин и Юра просят бабушек во время пения не притаптывать, не кашлять и не переговариваться. Пожилые женщины к требованиям относятся сочувственно и с пониманием, очень стараются, но выполнить их при всем желании не могут. То и дело забываются, опять начинают перешептываться и отбивать такт каблучком. Приходится переписывать куплет за куплетом. Это не каприз — чем чище и качественнее получится запись, тем больше шансов у нее быть изданной на диске. Потом на этих записях смогут учиться молодые. Бесценный культурный багаж останется потомкам.

Между тем, песни звучат замечательные! Основная часть — местные, казачьи, терские. Кроме того, украинские и немного русские.

*Калина с малиной рано расцветала,
Молода дивчина, что стоишь, думаешь?*

Ай, во поле мой шатер,

А во том шатре стол стоял,

А за столиком девица,

Она рвала травы...

«Шумит море голубое...»

«Ой, вы, кумки мои, вы голубки...»

«Искупайся, утушка...»

«Ехал Тихон над рекою...»

«Как с-под этой с-под горы...»

Вспоминаются колядки, щедровки, в том числе и детские, что для нас особенно интересно. Много свадебных. Свадьбу-то раньше

в Александрийской по семь дней справляли. Вспомнили плясовую, но под нее нужен медный таз, чтобы ритм отбивать. Заменяем его огромной дагестанской посудиною из местного музея. Посудина тяжелая, звук глухой и низкий, но лучше, чем ничего.

У станицы большая история. Образовалась она в первой четверти XIX века, раньше называлась Капай от речки Капайки. Здесь была крепость. Переселились сюда казаки, в основном, из Ставрополя. Мы записываем в комнате, которая служит не только библиотекой, но и краеведческим музеем. Так что антураж вокруг бабушек очень подходящей. Старые фотографии, альбомы, предметы казачьего быта.

Атаман Степан Автономович приводит к нам на запись своего предшественника, прежнего атамана станицы Павла Николаевича. Павел Николаевич 1930 года рождения. Когда-то сам хорошо пел, но сейчас подпеть бабушкам категорически отказывается — и рад бы, говорит, да с горлом проблемы. Зато грамотно и толково подсказывает, где не ту ноту взяли, где не так завели.

Пока Юра, Марина и Валентин продолжают запись, атаманы отзывают меня — хотят дать интервью. Спускаемся в фойе клуба. Павел Николаевич рассказывает, какая богатая была здесь когда-то станица — и виноградники большие, и рыбы в реке полно... Порядок у казаков был. Казачат с малых лет сажали на лошадь, а как подрастут — устраивали состязания в казачьей удали. Шашкой чтобы умел владеть и конем. Пить чтобы умел. И петь. Атаман вспоминает местные промыслы, казачью кухню, какие блюда и напитки на столы в праздники ставили, как праздники справляли — и Святки, и Масленицу, и Троицу.

Конечно, говорит о бедах, которые пережила Александрийская вместе со всем казачеством, со всей страной. Людей здесь «выкашивали» волнами. Первая мировая, революция, за ней — гражданская, потом расказачивание... Забирали, рубили, расстреливали и вешали целыми семьями, включая маленьких детей. «Втыкали шашку в землю — кто выше, того в расход». Люди боялись и заикнуться о том, кто они и какого рода. Потом — вторая мировая, на которую ушли немногие оставшиеся после расказачивания мужчины. За ней — послевоенный голод, разруха. Наконец «веяния» последних десятилетий: вырубленные виноградники, распроданная неизвестно кому земля, безработица, межэтнические конфликты, постепенное вытеснение исконного населения станицы представителями других национальностей...

В интонациях, в жестах, во всем облике Павла Николаевича видна порода. Гордый, норовистый, умный казак, не сломленный никакими историческими катаклизмами. Он и сейчас, в свои почти восемьдесят, встанет, если надо, на защиту семьи, рода, станицы, России. Удивительно живучий народ — казаки.

Пока мы беседуем с атаманами, наверху продолжается запись. «Молодух» отставили, поют вдвоем самые старшие бабушки. Пусть не громко, слабыми голосами, но так, как пели давешние старики, когда нынешние еще детьми были. А нашим того и надо.

Запись окончена. Бабушки устали. Опыт показывает: больше трех часов сеанс аудиозаписи продолжать не имеет смысла.

На озере Ачиколь

Атаман Степан Автономович запасается огромными арбузами и везет нас на озеро Ачиколь, на базу отдыха. Как здорово после пекла и духоты окунуться в прохладную чистую воду! На базе, кроме нас, отдыхают другие гости. Джигит Магомед встречается со своими армейскими друзьями. Мы — незнакомые и русские, но нас всё равно приглашают за стол. И мужчин, и женщин. Едим уху из свежешойманной рыбы, арбузы-дыни, опять шашлык, и опять бесподобный. Такого количества жареного мяса, как в Дагестане, мы не ели, наверное, нигде и никогда в жизни.

Общаемся вполне дружелюбно, вспоминаем Советский Союз, когда все народы дружили, и всем хватало места. Нескольку раз на разные лады звучат тосты об одном и том же: чтобы не было войны. Чтобы *больше* на Кавказе не было войны.

Там, прямо в озере, в воде, за долькой арбуза и бокалом вина, выставленным на импровизированный стол-плот, мы знакомимся с кизлярским атаманом Петром Ивановичем Стаценко. Эта встреча становится для нас судьбоносной.

Пётр Стаценко — человек уникальный. Богатейший, колоритнейший типаж для писателя, который бы вознамерился написать книгу о настоящем казаке XXI века.

Познакомившись с ним поближе, мы прозвали его между собой Верецагиным. Помните знаменитого таможенника из фильма «Белое солнце пустыни»? Сплошные аналогии — такой же сильный характер, широкая открытая душа, веселый нрав, замечательное чувство юмора и при этом искренняя боль за Россию. «Я мзды не беру. Мне за державу обидно». Вот, это про Стаценко. Даже павлины у Петра есты. Работает он в газовой сфере — прокладывает

газовые трубы в станицы и что-то там такое... А рядом с офисом выстроил вольтеры. В них — павлины, фазаны, куропатки... Чисто для души.

На берегу озера Аничколь Пётр взял нас под свое крыло. С этого момента мы не знали забот. Атаман откликнулся на любой наш чих. Чего бы мы ни захотели, о чем бы ни заикнулись — исполнял тут же и во много большем размере, чем мы могли себе представить.

Прежде всего, он, узнав, зачем мы приехали, пообещал спеть нам песню, которую мы никогда не слышали и нигде, кроме как от него и его родителей, записать не сможем. Заинтригованные, вечером, прямо с базы отдыха, мы отправляемся в гости к его семье. В поселке Красный восход в собственной хате живут его родители.

У Петра Стаценко

Поселок Красный Восход примыкает к Кизляру. Едем туда, больше отдавая дань вежливости и, честно сказать, не рассчитывая записать что-нибудь путное.

Рядом с хатой — традиционный в этих краях теннисный забетонированный двор. Стол под навесом живым. Сверху свисают виноградные гроздья. Хозяйка растерялась, волнуется, хлопочет — мы приехали без предупредения, на стол подать нечего... А мы только рады. Объелись уже.

Рядом с Петром за стол усаживаются родители: мама Мария Григорьевна 1930 года рождения и отец Иван Андреевич, немного старше. Мария Григорьевна причитает, что песен не помнит, что охрипла, что давно не пела и петь не может. Иван Андреевич не совсем здоров — недавно перенес инсульт.

Но что делает с людьми песня! Запевают втроем:

*Ой, орел, мой орел, ты орел молодой,
Ты летаешь высоко, ты бываешь далеко...*

Вот это откровение!

Конечно, открытия песни не произошло. Записывали «Орла» уже и в других станицах, и в других областях, и не раз, в разных вариантах. Произошло другое: открытие уникальной семейной певческой традиции. Если прежде семейные казахи многоголосья были правилом, то сегодня, да еще здесь, в Дагестане, это — редкий драгоценный камень. Чтобы сын, представитель уже нового поко-

ления, так чутко и точно перенял традицию родителей, все интонации, все ходы! Для двадцатых первого века — редкость великая.

Что за голоса! Аж стекла звенят. Иван Андреевич ясно и точно вспоминает все слова, а ведь в быту порой не может вспомнить имена близких, соль вместо сахара в чай насыпает. На наших глазах взгляд старого казака проясняется, спина выпрямляется, голос из слабого становится громким, сильным, чистым. Мария Григорьевна тоже молодеет и хорошеет на глазах. Сын горд, просто светится! Мы, потрясенные, можем только переглянуться и покачать головой. Ах, какие молодцы. И как неожиданно!

Выясняется, что семья Стаценко — большая и поющая вся. В старшем, разумеется, поколении. Внуки, увы, песни родителей не перенимают. А раньше собирались и тетки, и дядья, и бабушки-дедушки, пели за огромным столом по много часов. Теперь разъехались, кто-то ушел из жизни. Но вот остались осколки, и нам повезло записать уходящую уже семейную традицию.

«Ще у поли есть криниця...»

«Есть на свете городок...»

«Ой, зробила Зиночка веночек...»

Пётр признаётся, что много лет ждал, когда, наконец, кому-нибудь понадобится большое наследие его большой семьи. Он-то, как раз, ценность старинных песен понимал. Хотел, чтобы они не пропали, но не знал, что для этого нужно делать. Ждал. Потом перестал ждать. Наш приезд стал для него огромным событием.

Разумеется, Юрий Ефимович пригласил Петра и его родителей на очередной осенний фестиваль «Слава казачья» в Санкт-Петербурге. Как он обрадовался! Когда мы уехали из Кизляра, Пётр звонил Юрию Ефимовичу несколько раз, рассказывал, что слушал диск «Братины» вместе с родителями и плакал. Знакомство с нами, по словам Стаценко, перевернуло его жизнь. Вот уж действительно, нам не дано предугадать, как слово наше отзовется. Для людей, вынужденных в силу исторических обстоятельств жить в социальной и этнической изоляции, чувствующих себя оставленными, брошенными «большой землей», Россией, важно ощутить поддержку людей «из центра», почувствовать свою значимость, понять, что они, их знания, их родовые традиции нужны и ценны не только им самим.

Похоже реагировали на наш приезд многие казаки в кавказских станицах. Некоторые встречали настороженно, напряженно. «Проверяли»: «Здорово, казачка!». И глядят, как отреагируешь. Скажешь: «Слава Богу!»,— звучит как отзыв на пароль. Удовлетворенно кивают. Дескать, ладно, знаешь, как ответить, первую проверку прошла. Поглядим, как дальше себя поведешь. Хороший знак, когда переходят с «вы» на «ты». Еще сигнал: петь начинают охотно, с удовольствием. Если сначала все в один голос: «Да я и не помню ничего...» «Голоса-то уже нет никакого...» «Уж сколько лет не пели!» «Давайте быстрее записывайте, у меня там утятя не кормлены (огород не полот, борщ недоварен...», то потом, когда поймут, что к ним пришли с добрыми намерениями, что люди понимающие, умеют отличить подделку от настоящего, тогда уже совсем другой разговор идет. И выражение лиц меняется, и голоса иначе звучат.

Самые лучшие песни — это любой фольклорист знает — начинаются в самом-самом конце, когда уже микрофоны выключаются и собираться пора. Тогда у исполнителей возникает ощущение скорой потери. Как так? Только приехали, еще толком и не распустились... И Бог с ними уже с утятами, борщами и огородами! «А вот, у нас еще песня есть, вам ее нигде больше не спойт!» «А, ну, Михайловна, помнишь про ворона?...» «Погодите, тут я еще в традиции старинную нашла...».

Важно не обмануть, не порвать тонкую ниточку доверия, протрянувшуюся от собирателя к исполнителю. Сколько ведь уже этих людей обманывали. Обещали, а не выполняли. Предавали в самые сложные моменты их жизни. Раз уж нам выпала роль посланцев «из центра», ответственность на нас лежит особая. Поэтому любые посулы в экспедициях нужно давать очень осторожно, а уж дал слово — держи, если что пообещал — исполни. Обещал выслать фотографию — вышли. Будут ждать. Обещал поделиться записями — поделись. Обещал пригласить в город — пригласи, хотя бы позвони. Потому что наш приезд в станицу — событие для людей. Обсуждать им еще нас, по косточкам. Все наши слова, все поступки, даже самые мелкие детали, внешний вид наш будут разбираться неделями. И ждаться отклика. Обратной связи. «Записали нас, и что? И куда это все пойдет? Где осядет? Чем откликнется?...».

Еще важно правильно рассчитать силы и в самом начале путешествия не растратиться на эмоции. То, что в первые дни долгой экспедиции кажется событием необычайной важности,— новый

коллектив, новые песни, новые личности,— потом, скорее всего, затмится другими, не менее яркими впечатлениями и другими, не менее интересными событиями. Нужно ровно доброжелательно относиться ко всем, одинаково высоко ценить и помнить бабушек, которых записывали в третий день поездки и которых встретили в восемнадцатый день. Обязательно четко и внимательно фиксировать все имена, фамилии, адреса, телефоны, любые контакты, не лениться дублировать информацию, пометать всё, что наобещали, чтобы опять же не потерять обратную связь с людьми и не обмануть. Отношение к народным исполнителям как к «материалу» — «отработал» и забудь — неправильное. Это не по-человечески. Да, они носители, хранители, исполнители, но прежде всего они живые люди. Со своими эмоциями, со своей судьбой, со своими взглядами и надеждами. Мы у них берем то, что они нам могут дать, понятно, что берем не для себя, а для будущих поколений, для сохранения культуры, но человеческие отношения должны присутствовать и долги надо отдавать.

Однако вернусь к Петру Стаценко. Широкой души человек несколько дней исполнял все наши желания. Кормил нас бешбармаком и шашлыками, вечерами поил дагестанским пивом, угощал местной соленой рыбой, показывал город и рассказывал всякие истории. Стоило нам заикнуться: «Наслышаны о знаменитых кизлярских ножах и кинжалах. Вот бы купить где-нибудь!»,— Пётр тут же: «Не вопрос!». Позвонил кому-то, посадил нас в машину и... привез на завод, где эти самые ножи делают. Оказываются, один из совладельцев и создателей этого завода — его хороший друг.

От редакции. Полный текст путевых заметок «Вдоль по линии Кавказа» читайте здесь: <http://www.rozhdestvenka.ru/otsebyatina.htm>

Татьяна Подгорная

Приключения Мышек-норушек

Жили-были в славном столичном городе Москве туристы, юные и не очень. Но даже те, чья юность прошла много лет назад,

сохранили интерес к путешествиям и неиссякаемую энергию, которой хватало на многокилометровые переходы от одной церкви до другой, посещение бессчётного количества экскурсий и сбор черники.

Однажды приехали наши туристы в славный город Мышкин, что находится на берегу великой русской реки Волги, поселились в уютной «Мышиной норке» и с этого момента стали называть себя Мышками-норушками.

Как и подобает настоящим мышкам-норушкам, за дни, проведенные в этом замечательном городе, наши Мышки обследовали и его, и все его окрестности — ближайšie и не только. В самом Мышкине посетили они чуть ли не все многочисленнные музеи, начинающая с единственного в своём роде Музея мыши и заканчивая Домом ремёсел. Ещё побывали они в не менее славных городах — Угличе и Рыбинске.

Во время одного из путешествий шли Мышки по лесной дорожке, шли, шли... и попали на сказочную полянку на самом берегу красавицы-Волги. А полянка та оказалась не простая — на ней было всё, что нужно настоящему туристу: кострище с тлеющими угольками, стол и четыре скамейки, футбольное поле с воротами, а на одном из деревьев даже висело полотенце. А чтобы гости не скучали, ожидает их на этой полянке замечательный персонаж по имени Алёша. Вместо головы у него — футбольный мяч; одет он в старый пиджак; из одного кармана виден резиновый шлёпанец, из другого — водочная бутылка, из третьего — записка, в руках он держит деревянную лопатку. У ног Алёши укреплен дощечка с надписью: «Это парень по имени Перепел» (но Мышки догадались, что имеется в виду — Перепил).

В другом путешествии Мышки встретились с милым семейством — козой и тремя козлятами. Козлята оказались очень любопытными и явно требовали к себе внимания: то стремились залезть к Мышкам в рюкзаки, чтобы слопать всякие вкусности, заготовленные для привала, то показывали чудеса акробатики, вставая на задние ноги, чтобы добратсья до молодых веток.

Как любые уважающие себя мышкаи-норушки, наши героини очень любили делать припасы: у них в норке всегда были разные вкусные и полезные продукты. А еще Мышки обожали сладкое и часто лакомились мороженым.

Они с удовольствием гуляли по берегам Волги, много купались, наблюдали за чайками, совершенно не боявшимися людей.

Вот так, весело и с пользой, провели Мышки-норушки незабываемые две недели в славном городе Мышкине. Увезли они с собой много ярких воспоминаний и интересных фотографий. А если кто-то из вас захочет побывать в этих местах, приезжайте — Мышиный город будет рад всем.

А закончилось путешествие наших Мышек ещё в одном не менее замечательном городе на Волге — Тутаеве. Они очень надеются побывать там вновь.

* * *

Простая русская деревня
С названием милым — Городок!
Тебя запомню с храмом древним,
А берег Волги так высок,

Что кажется: парю над всеми
И выше — только небеса.
Здесь движется неспешно время,
Порой свершая чудеса.

И словно выросли из сказки
Дом с затейливой резьбой,
И человек живет без маски,
Становится самим собой.

И бродят, будто пилигримы,
Коза с козлятами в тиши.
Вдруг понимаю: все — едины,
Как стороны одной души.

Вечер в Мышкине

Сумерки. Последние прохожие.
Город замирает до утра.
Поражаю: очень непохожими
Оказались наши вечера.

Жизнь в Москве бурлит, не прекращается,
Здесь — покой, уют и тишина,
И душа так быстро очищается
От всего ненужного — до дна.

Берег Волги. Пурпур с переливами
В небе и сверкающей воде.
С зорями безудержно-красивыми
Не встречалась больше я нигде.

На холмах — дороги, тропки, домики,
В небесах сияют купола.
Навсегда, наверное, запомнится,
Как мне эта сторона мила.

Оставайся, Мышкин, местом сказочным,
Не теряя чистой красоты,—
Ярким, необычным и загадочным,—
Тем, каким мне полюбился ты.

Иннокентий Шниперсон

Дмитриевско-Сафроновские лыжные марафоны

Когда я начинал принимать участие в Дмитриевско-Сафроновских стокилометровых лыжных марафонах, то не записывался, потому что надо было платить сто рублей, а сумма эта представлялась для меня значительной, а шансы пройти — как раз нет, и рисковать такими деньгами я не мог себе позволить. Не записавшись, нельзя было претендовать на питание, что, конечно, усложняло дело. И действительно, первые разы никак не удавалось проехать всю дистанцию: то «доставал» мороз, то ломались лыжи «Елань», то просто не хватало скорости уложиться в световое время, но, в конце концов, я поднааторел и стал доезжать-таки до конца, со своей едой, только пить очень хотелось.

На финише Дмитриевской сотни я честно сказал, что денег не платил, но и у костров по дороге не шакалил, а сейчас не отказать

ся бы за полцены принять участие в финишном «банкете», уж очень жажда мучает. Меня пожалели и за 50 рублёв щедро напоили чаем. А заодно спросили фамилию, чтобы занести в финишный протокол. Тут я почувал неладное, стал отпираться, бормотать, что не записывался, на рейтинги не претендую, а они стали настаивать, и тогда пришлось сказать, что зовут меня Иннокентий Шниперсон. А надо заметить, что я почему-то не люблю, когда без моего согласия и даже ведома рожу мою публикуют в Интернете, да ещё пишут рядом всё, что про меня знают, и, что особенно интересно, то, что не знают. И точно, в протокол меня хоть и занесли, но на сайте в отчёте никакого Шниперсона уже не было, зато упомянули, что стартовал человек с моей искажённой фамилией, хотя на старте я не записывался и морду свою особенно не светил.

На очередной Сафроновской сотне я поднажал, время прохождения первого сороковника было обнадёживающим, но интенсивная физическая нагрузка обострила жажду и на первом же костре я набрался наглости и попросил попить. «Какой номер?» — зыркнула на меня сердитая женщина. Я замаялся и вдруг неожиданно для самого себя пролепетал: «А... а... а вот вам стишок расскажу!». И пробормотал что-то вроде:

Ветер по полю гуляет
И спортсмена подгоняет.
Тот летит на всех парах
На хиповых «Фишерах».

В ответ мне сказали что-то типа «Ну ты, царь Салтан хренов», но чаю дали. Я поехал дальше с мыслью, что это, в общем-то, выход из положения, и на следующем костре заявил:

Сегодня крутейший из всех марафонов,
Который создал Александр Сафронов!

— Ух, ты! — воскликнули костровые и дали великолепного марафона! Правда, заметили, что марафон на самом деле создал Синельников, но я же про это ничего не знал, а из песни уже слова не выкинешь. В конце концов, Америку тоже назвали не именем её открывателя, но славы Колумба это не умаляет, и подвиг его известен всем, за исключением, может быть, самих американцев. А позже мне стало казаться, что поддерживать этот марафон в теплые времена, когда интерес к лыжам угасает (умирает), сложнее, чем было эту гонку создавать в эпоху лыжного энтузиазма, так что

не жалко лишний раз Сафронова воспеть, тем более, что организовано всё действительно здорово.

Короче, золотая жила была найдена, и дальше я питался, развивая тему:

Сегодня крутейший из всех марафонов,
Который создал Александр Сафронов!

А вот у него, как положено, финиш,
Куда ты придёшь и попыта откинешь
На самом крутейшем из всех марафонов,
Который создал Александр Сафронов!

Вот поле. По полю чуть-чуть против ветра —
Всего ничего — двадцать три километра;
Потом будет горка, а там уж и финиш,
Где ты наконец-то попыта откинешь
На самом крутейшем из всех марафонов,
Который создал Александр Сафронов!

А это река и бревенчатый мост.
Путь от него незатейлив и прост:
Сначала по полю чуть-чуть против ветра —
Всего ничего — двадцать три километра;
Потом будет горка, а там уж и финиш,
Где ты наконец-то попыта откинешь
На самом крутейшем из всех марафонов,
Который создал Александр Сафронов!

А это деревня с название Хлыбы.
Здесь водятся лыжники, птицы и рыбы.
Тут рядом родник и бревенчатый мост.
Путь от него незатейлив и прост:
Сначала по полю чуть-чуть против ветра —
Всего ничего — двадцать три километра;
Потом будет горка, а там уж и финиш,
Где ты наконец-то попыта откинешь
На самом крутейшем из всех марафонов,
Который создал Александр Сафронов!

И дальше в том же духе. На следующий год я честно хотел избежать участи попрашайки, скопил сто рублей и попытался записаться в электричке перед стартом. Но то ли не успел в суете, то ли номера закончились, и остался я незаписанным, да ещё в придачу и без своих запасов, потому что рассчитывал питаться «по-белому» и ничего не взял. А поехалось как-то хорошо, появились шансы показать не позорный результат, но к тридцать пятому примерно километру в желудке развился полный вакуум. Как известно, «жить захочешь — не так раскорячишься», и я стал лихорадочно сочинять. Дело было 29-го февраля 2004-го, в високосный день високосного года, и, кажется, уже начался Великий пост.

К сороковому километру, к первому костру, творение было готово:

В разгаре гонки високосной
Себе в награду за труды
Рискну просить, пусть даже постной —
Да хоть какой-нибудь — ЕДЫ!

Не обязательно скромной —
Я буду рад и калачу.
Сгодится также торт огромный —
Приду на финиш — заплачу.

А я в ответ воздам вам славу,
Хоть и без номера иду.
Ну покормите на халяву,
Ну что вам стоит? Раз в году!

С этим творением я питался до самого финиша и там честно заплатил. На следующий год пришлось учесть старые ошибки, в предстартовой электричке первым подойти к Сафронову, пока не кончились номера, и начать записываться. Не тут-то было! Сафронов, как услышал, что я Шниперсон, заявил: «Всё ты врёшь», стал тянуть время и озираться в поисках более достойных кандидатов. Я стоял над ним и канючил, а поток кандидатов ослабевал, и в конце концов, когда желающих больше не было, мне сквозь зубы выдали последний номер. И долго ещё на кострах, спрашивая этот номер и зачем-то ещё фамилию, подозрительно косились и требовали назвать настоящую. Как-то я разозлился и заявил: «Настоящая — Василий Кроликов». Опять не поверили. И чего им надо? Но теперь в отчётах

на сайте есть мой персонаж, и я всем доволен, «ведь может собственных мазонов и хитрожопых Шниперсонов земля Российская рождать».

Перед последним марафоном
Мне ночью снился жуткий сон:
Что я не Вася Парамонов,
А Иннокентий Шниперсон.

Я сразу мог бы догадаться,
Что псевдоним мой нехорош:
Все недоверчиво косятся
И заявляют: «Всё ты врёшь!»

Никто не вставит вам пистонов,
Вам будет слава и почёт,
Когда фамилия — Сафронов
Или, допустим, Бульчѐв.

Нам не нужны чужие лавры.
Пусть все смеются в унисон —
Вот есть спортсмены: Чуркин, Гаврик;
А я — я буду — Шниперсон!

Павел Матасов

История сотни, которой не было

Случилось так, что 30 ноября 1989 года я, играя в футбол в зале, сломал... руку. Ну, руку — это, может, громко сказано, скорее ручку. Так, маленькую косточку в запястье. Однако мне был прописан сан двухмесячный гипс, освобождение от служебных обязанностей и домашний режим. Гипс оказался небольшим, закрывал лишь травмированную часть руки, оставляя открытыми фаланги пальцев и локтевой сустав, но весил прилично. По этой причине на футбол меня звать перестали. Как же, ведь я этим самым гипсом в запястье борьбы мог бы кого-нибудь нечаянно стукнуть наотмашь, а то и вообще убить. Пришлось срочно менять этот спорт на более под-

ходящий. Самым рациональным, экономичным и перспективным выбором представлялись лыжи, тем более, зима в последнюю неделю ноября уже заявила о своём прибытии солидным снежным зарядом, и к первым декабрьским выходным всё Подмосковье утонуло в сугробах. К тому же в квартире будущей тёщи на Ленинском проспекте делать мне особо было нечего, разве что усердно блюсти домашний режим.

Времена, сами помните, какие были: в магазинах очереди за всем, в телевизоре «Взгляд» и другая чернуха, а в окне однажды вообще гроб с телом А.Д. Сахарова проплыл. Жуть. Но особенно тяжко было по выходным, когда в двухкомнатной квартире встречались одновременно три поколения. Очень уж хотелось куда-нибудь в тишину на воздух и на весь день. А лучше на два.

Вот так, сломал руку на футболе, ушёл с гипсом в классические лыжи, где эту самую большую руку придумали попеременно нагружать и ещё следить, чтобы она в недоступном месте не обморозилась. Странно, но всякое в жизни бывает. Вот соседка моего по комнате в общежитии, слушателя Краснознамённого высшего учебного заведения, на третьем курсе задержали на Сахаревке за спекуляцию импортными аудиокассетами. Ну, выгнали его из комсомола, отчислили, естественно... А через год на работу в милицию пригласили, сразу на офицерскую должность! Мы ещё долго потом шутили, что когда он там у них в милиции что-нибудь спалит, то его сразу в пожарные возьмут.

Как бы то ни было, но именно указанную выше дату я считаю точкой возврата к лыжным прогулкам по Подмосковию в новейшей истории. Впрочем, оговорюсь. Существовала тогда ещё лыжная традиция в отделе, куда я пришёл работать. А именно: каждый год, когда 23 февраля выпадало на будний день, можно было на работу не выходить, а принять участие в лыжном пробеге с группой товарищей по заранее намеченному ими маршруту длиной 30 или 50 км. Ходили по традиционной и «постоянно действующей» лыжне: Скоротово — Снегири — Радищево, правда, с обедом в снеговой блинной. В тот памятный год впервые в лыжном военном празднике принимал участие и я. Действительно, не на работе же штаны просиживать! Хватило меня только до Снегирей, и то был сильно рад, что ноги унёс без особых последствий для здоровья. Те, кто пошёл в Радищево, да ещё с надеждой добраться туда за светло, представлялись мне крутейшими спортсменами, почти небожителями.

И вот наступил долгожданный декабрь. Друзья-коллеги, с которыми я впервые навострил лыжи, предупредили меня о том, что всю полноту ответственности за состояние своей левой руки на лыжне я принимаю на себя, клятвенно пообещав от себя не будоражить умы наших впечатлительных начальников эмоциональными рассказами о злостном и систематическом нарушении мной дорожного режима. Нескольких вылазок хватило, чтобы сделать ряд выводов. Во-первых, школьные деревянные «Быстрицы» из Нововятска необходимо менять, потому что они стёрты, разбухают от сырости, прилипают, не едут, а из-за длины в два двадцать с трудом влезают ну, например, в метро. Во-вторых, идти по знакому маршруту психологически легче, чем в неизвестность, как это было в феврале. И, наконец, душевная компания, обеденный костёр и фляга доброго вина значительно облегчают путь к финишу. Опыт, можно сказать, начал накапливаться.

События развивались стремительно: к середине января у меня была уже пластиковая «Карелия», которую через некоторое время я научился мазать, а в феврале, когда я ещё был на больничном, мы впервые прошли 50 км, повстречав на лыжне, к моей неописуемой радости, парторга нашего отдела, гулявшего в одиночку. Замечу, что в 1990 году из-за сложной общественно-политической ситуации в Москве лыжный выход 23 февраля на работе отменили и больше уже не возобновили. В копилку личного опыта по итогам сезона добавилось убеждение, что выносливость можно тренировать.

А потом наступил период застоя, продолжительностью примерно в пять лет. Нет, ходить-то мы ходили, но по тем же местам, с той же скоростью, на те же расстояния. Бывало, что натошак, с одной бутылкой «Сахры» и парой бутербродов каждому на весь маршрут. Могу доложить, что постепенно привыкнуть к голоду или натренировать чувство сытости невозможно. Никакого качественного скачка, в плане скорости или пройденного расстояния, не произошло и в таких условиях произойти не могло. Другими словами, закисло мы в своём болоте.

К 1995 году моё лыжное окружение поменялось. Кто-то уволился, кто-то «завязал». На их место через соседа-одноклассника пришли новые товарищи, в основном из турклуба МГУ, люди сугубо гражданские и, соответственно, не имеющие отношения к военному туризму с его слётными пьянками и юморинами, приуроченными к очередному дню рождения комсомола. А может, это я

к ним пришёл. Обмен опытом и накопленными знаниями пошёл веселей. Информационная и эмоциональная составляющие наших выходов существенно увеличились.

Конечно, и раньше мы обращали внимание на некоторые детали, вызывающие недоумение: лыжни, уходящие туда, где по нашим представлениям ничего нет и быть не может, «пентагоны» с заготовленными дровами и развешенными зачем-то флажками или уже использованные чисто убранные кострища, маркеры и указатели с нелепым, как нам казалось, километражом, например 86 км. Со временем мы стали встречать организованных лыжников, в основном в районе Клинско-Дмитровской гряды. Вели они себя по-разному: то молча торопились, то шли размеренно и что-то обсуждали, иногда налегке, но чаще с рюкзаками, временами пропиливали завалы, а порой возводили или ремонтировали мостки над речками. По всему было видно, что ведётся подготовка к какому-то ежегодному и очень значимому для участников событию, причём проводимому в условиях строгой конспирации.

Встречаемые нами товарищи были немногословны. Гораздо более словоохотливыми были одиночные лыжники, гуляющие по накатанной лыжне. Вот тогда-то и услышали мы от одного из «языков» первое упоминание о сотне за один день, причём в очень интересной интерпретации. Идут, говорит, они из Поварова через Морозки почти до Абрамцева километров 60, а потом обратно возвращаются! Выяснилось потом, что преувеличил немного товарищ, но подобная сотня и впрямь существует. Я прикинул свои возможности: взял расстояние, разделил на свою скорость, получил время и... расстроился. Покумекав немного, я пустился на хитрость: взял то же расстояние, разделил на желаемое время и... расстроился ещё больше. Это без учёта того, что *там каждый шаг дорожке ровню вдвое, там в счёт идёт, что раньше не считалось*. Одной только выносливости, пожалуй, не хватит. Техника нужна. Иначе никак не успеть. Но ходят же, говорят, люди!

А в следующем сезоне в нашей жизни, наконец, появился Московский городской центральный туристский клуб с секцией походов выходного дня. Впрочем, не зря говорят, что новое — это хорошо забытое старое. Вспомнились мне далёкие семидесятые, когда туризм был возведён в ранг государственной политики, еженедельные телепередачи «Отдых в выходные дни» по третьей программе, поезд «Здоровье» и первое посещение Бородина в компании каких-то незнакомых мне старушек-молодушек.

Нетривиальной задачей оказалось отыскать туристское «логово». Сразу это сделать не получилось по той причине, наверное, что в 90-е годы туризм ушёл в подполье. В каком-то справочнике я нашёл упоминание про Садово-Кудринскую, 4, поехал туда, и был послан на Таганку в филиал. Пока искал нужный адрес, время рабаты учреждения закончилось, и я ни с чем отбыл восвояси.

Другой раз мне повезло больше. Я впервые ознакомился и купил план работы секции походов выходного дня на текущий месяц. Туристских групп оказалось для того времени более чем достаточно, и каждый руководитель, как следовало из анализа документа, имел свои повадки: одни приглашали пенсионеров побродить в будний день тихим парком, другие звали осматривать тематические достопримечательности, третьи планировали душевно попить в костра где-нибудь в лесу недалеко от железнодорожной станции. Всё это в плане именовалось оздоровительными походами. Если каждая такая группа действительно существует, собирается и ходит каждую неделю, то, похоже, рано я организованный туризм похоронил, и «этот дуб ещё пошумит». Большой практический интерес для меня представляли тренировочные походы протяжённостью от 30 км и температурным режимом до минус 20 градусов.

— А Вы сами с какой группой ходите? — спросила редактор-советитель, вручая мне широкоформатный лист с планом.

— А я ни с какой не хожу.

— Тогда зачем же Вам план?

— Так, чтобы не встречаться и не мешать друг другу, — вдруг неожиданно для самого себя ответил я.

— Странно, — удивилась барышня, — некоторые неорганизованные туристы покупают план, например, чтобы знать, где есть лыжня, а где её нет.

Хорошая, кстати, мысль. Сколько раз уж было — поедешь в начале зимы куда-нибудь туда, где в прошлом марте была хорошая накатанная лыжня. А там чистое поле и ветер гуляет.

Итак, посещение турклуба стало зимой ежемесячным. Оказалось, что групп, бегающих сотню, целых две. Это группы под руководством Дмитриева и Сафронова, ходящие по субботам и проводящие свои лыжные праздники в третье и четвертое воскресенье февраля соответственно, причём 42 км дистанции у них общие. Встречали мы раньше в основном дмитриевцев и по старой привычке стали использовать их лыжно и места обедов для своих

выходов в воскресенье. Появилась возможность использовать участки сотенной трассы, как правило, в марте для прохождения расстояния в 60-70 км. Правда, однажды мы заночевали на сафроновском пятачке у речки Волгуши, не дойдя 15 км до Морозок. Хорошо, что он на пути попался, — снег почистить не надо, да и дрова кое-какие от сотни сохранились. Рассвету до станции добрались часа четыре и дальше пошли. К рассвету до станции добрались. А другой раз на последнюю электричку в Берёзки не успели. Но при станции, к счастью, магазин был. Он и сейчас есть, некрутосуточный. Успели-таки мы ночью за час с небольшим приобрести статус постоянных клиентов вино-водочного отдела. Оставили нас продавица с охранником до половины пятого утра в торговом зале на таре из-под пива ночевать. А сами за прилавком залегли... Что там жёны дома о нашей судьбе в дотелефонную эпоху думали, не знаю, но отделались мы оба раза легко. Зато стало понятно, что в турклубовских планах означают специальные пометки: «в медленном темпе» и «раннее возвращение».

Вскоре такой формат прогулок наскучил, и захотелось чего-то новенького. Например, посмотреть на всех в естественной среде обитания. Что же это за сотенный зверь такой? К концу сезона 1996-1997 гг. мы стали ходить по субботам «за следом», как сказал бы А.С. Кабанов. Другими словами, вдогонку по пробитой лыжне со следующей электрички. Встречались, как правило, на обеде. Сначала дмитриевцы разглядывали нас с интересом и удивлением, потому что ходили мы с большим чайником, разводили свой костёр, топили снег и стеснялись. Потом друг к другу приехали. На костре подолгу засиживались либо самые быстрые, которые всегда успеют, либо самые уставшие, восстанавливающие свои силы, либо и те, и другие. После обеда зачастую приходилось соревноваться с отстающими, и вскоре выяснилось, что идти в большой компании легче, интересней и веселей. Особенно, когда кого-нибудь обгоняешь. Девушку, например. Но и тут по-всякому бывает. Идёт, представьте, впереди девушка, плотно так идёт, работает, палками упирается, ничего и никого вокруг не замечает. А ты бежишь за ней, бежишь, расстояние сокращаешь. Наконец, догоняешь. Идёшь за ней, силы на обгон копишь, природой любуешься. Рано или поздно заметишь она, что кто-то на хвост ей сел, вперёд начнёт пропускать. А ты после манёвра обернёшься к ней, чтобы поблагодарить, глядь, а это и не девушка вовсе, а бабушка, а то и вообще старуха. Вот и подумаешь следующий раз, а стоит

ли в такой ситуации высовываться и силы попусту тратить. Но это скорее исключение, чем правило.

К 1998 году возникло понимание того, что если мы хотим на сотню, то надо ходить с группой или участвовать, по крайней мере, в подготовке трассы. Что-то мы, конечно, и раньше делали: точки, например, обрывали, мордохлест, так называемый, но как-то незаметно ни для кого. Или вот ещё что выяснилось. Если лыжня проложена в глубоком снегу, то при толчке палки проваливаются, что сильно затрудняет движение, особенно вверх. Для борьбы с этим используют особый вид тропёжки: встают правой лыжей на левую часть лыжни, а левой лыжей снег в том месте, где левая палка втыкается должна, продавливают и тем самым уплотняют. И так пока не надоеет. А потом на другую сторону лыжни переходят. А если ты «одноногий» правша, например, то тогда на обратном пути по другой стороне идёшь. И вся морока, как со снежной крепостью, ради одного дня. Но какого! Такие вот допотопные методы в конце прошлого века использовались. Но менялись времена, техника современная на помощь приходит начала. Не сама, понятно, по себе, а со спонсорами. В 1999 году один из активных членов группы — известный альпинист и обладатель личного самолёта, подарил дмитриевцам снегоход «Буран» и бензопилу. Вот тогда дела с подготовкой веселей пошли. «Буран» имел дальний радиус действия, прописался в Туристе, на базе другого активного дмитриевца, и от влахернских стен добывал аж до самого Поварова. Появилась возможность уйти с дорог и продуваемых полей на просеки в леса. С тропёжкой, конечно, стало попроще, но сотенная лыжня перестала проходить через наивысшую точку Московской области у села Храброво.

В планах группы значился ещё один ежегодный марафон — 86 км с одной кормёжкой, проводимый по записи со взносами в последнее воскресенье января. Говорят, шведы придумали. Прощитую здесь самого В.Н. Дмитриева: «В Швеции давно уже проводится забег на 86 км — гонка «Васалоплетт». В средние века шведский король Васа, раздосадованный тем, что парламент не поддержал его идею освободиться от датской зависимости, ушёл из парламента, встал на лыжи и пошёл по глухой местности. За ним долго гнались и, когда настигли и замерили расстояние, то оказалось, что он ушёл на 86 км. Так возникла эта дистанция, её проложил сам король». Может, и так — на Клинско-Дмитровской гряде и впрямь места глухие. В 1999 году мы впервые прошли эту

дистанцию, причём я — после бессонного дня рождения с нарушениями спортивного режима. Не было там, все признали, восьмидесяти шести, даже с учётом двухпроцентного рельефа. Из-за привязки обеденного костра к Волгуше получилось около восьмидесяти, однако «ключ» к вершине был взят. Лыжи, правда, пришлось потом выбросить. Служили они исправно десять лет, да, видно, закончилось их время. В январе мне подарили, с прицелом на будущую сотню, новую классическую «Карелию». Как говорится, наши цели ясны, задачи определены, так за работу, товарищи. Однако в том году 21 февраля в Родниках праздновалась Масленица добровольных помощников реставраторов, и от идеи прохождения сотни за один масленичный день пришлось отказаться. Много я тогда где побывал: и на самом празднике, и лыжным дне рождения приятеля в Малине за Горетовкой, и в обратной сотенной электричке. Но это отдельная песня.

Тем временем на старте уже новый век стоял, тысячелетие заканчивалось, а сотня всё ещё не была пройдена. А пройти её сильно хотелось, причём в двадцатом столетии. Сезон начался активно. Ходили и тропили много. Пока «Буран» старательно укатывал сотенную лыжню на Клинско-Дмитровской гряде, удалось подготовить и провести полноценные восемьдесят шесть километров между Апрелевкой и Львовской. Нашлись, правда, отдельные несознательные элементы, которые не захотели менять свои привычки и сделали всё как всегда. С погодой тогда всем повезло, и никто не мог предположить, что через три недели зима неожиданно возьмёт таймаут.

И вот оно наступило — 20 февраля 2000 года. Подобных дней потом будет ещё пять, но эта дата в том далёком двухтысячном навсегда останется самой близкой и дорогой.

Завершая короткое вступительное слово перед началом лирической части произведения и немного забегая вперёд, добавлю, что когда через пару лет я наткнулся в Интернете на протокол того памятного состязания и сообщил дежурному по сайту об очевидных неточностях, то получил короткий ответ: «Протокол является документом исторического назначения». Ну, допустим. А на вопрос, как Вы себе представляете правку новгородских грамот или указов Петра I, я ответа не нашёл. Но не обиделся, а взялся за перо.

По ходу повествования я на правах автора буду комментировать некоторые моменты, пояснять детали, править, так сказать, новгородские грамоты 2002 года.

Протоколы не марают,
Я ж сегодня согрешу,
День из памяти достану
И по графам распишу.

Пусть кричат: «Ты страшный враль,
Кончилось столетье!»
Год двухтысячный, февраль,
Воскресенье третье.

Утром, прихватив ветровку,
По полоске снежной пашни
Я бегу на остановку
К негоревшей телебашне.

Где автобус первым рейсом,
Светофорам не внимая,
Подберёт меня, как в детстве,
До платформы «Окружная».

Турникетов нет, резонно
Поезд ждать внизу у входа,
От второй тарифной зоны
Получив билет без кода.

Телебашня сгорит в конце августа того же года. На Москву, говорят, трансляции не было, а из Новороссийска через спутник было очень хорошо видно, как горит один из символов детства. Как-никак вместе росли. Про «Окружную» вообще всё враки, кроме второй зоны. То есть художественный вымысел, я хотел сказать. Турникетов и теперь нет, штрих-коды на билетах уже были, сам билет я не брал, а если стоять внизу, то, когда увидишь электричку, можно не успеть подняться. Но надеюсь, что вы допускаете некоторое различие между автором и лирическим героем.

И рыбак, и дачник зимний
На меня глядят сурово,
Ведь подобного разини
Нет у Ильфа и Петрова.

Что-то недопонимают,
В мыслях странное творится,
«Кто он,— думают-гадают,—
И куда сейчас стремится?»

Из сырой первопрестольной
Электричкой на Кимры
В край ремесленников вольный,
Где вот-вот башмачник вымрет,

В лыжных кожаных ботинках
Без тулупа и перчаток.
Может, едет на разминку
Из разряда физзарядок.

С палкой, сломанной однажды,
Углепластик «Балаково».
Лыжный бомж,— подумал каждый,—
Примитивно упакован.

Всё своё отдал коллегам,
И один под небом низким
По нападавшему снегу
Он сейчас идёт за Клинским?

Да, идёт промозглым утром,
Чтоб отдать за километры
Граммы, джоули, минуты
С сотенной приставкой гекто...»

Мне платить тройную цену
Чтоб в пути, не на постое
Сокрушить на сто процентов
Надоевшие устои.

Догадываюсь, о чём подумали. Техническое образование, знаете ли. Самое время поговорить об условностях и договорённостях. Последний раз, больше не буду. С классики начнем, пожалуйста. Я её улучшением всю сознательную жизнь занимаюсь. Что

нам Арик Крупп говорил? «Полярный круг, ну что это такое? Условная придуманная нить...» А это как раз не так.

Полярный круг — величина астрономическая, от человека не зависящая. Мерить эту широту можно по-разному, но самому Полярному кругу от этого ни тепло, ни холодно. Он и не знает, что его кто-то меряет. Он есть, и всё! Другое дело — сотня. Её придумал человек, а звали этого человека Александр Синельников. Метрическую систему мер и связанную с ней десятичную систему счисления тоже люди придумали. Эталон метра вообще смешной: длина волны, считай выхлопа, какого-то там элемента, находящегося в каком-то там состоянии, вполне возможно, что не трезвом. И на такой, мягко говоря, зыбкой почве построена система отношений и ценностей, которая, как ни удивительно, работает! И пятидесятилетний юбилей — тоже условность. В шестнадцатеричной, например, системе тридцать два получается. Число неплюхое, но юбилея нет. Но почему-то падох человек на числа с большим количеством нулей. Сотня, год двухтысячный...

И не зря в вагоне старом,
Где отвинчены шурупы,
План пробега обсуждает
Авангард туристской группы.

Мне маршрут давно известен,
Тут зимой бываю часто.
Только у шоссе «М-десять»
Незнакомый есть участок.

Новый путь придумал кто-то,
Может, тот, кто точно знает,
Где из сонного болота
Тихо Клязьма вытекает.

Громкий спор ведут спортсмены,
Разделяю их тревоги
За сезонные отмены
На Октябрьской дороге.

После Лобни повскакали,
Лыжи мажут в Катуаре,

Я сижу на лавке дальней
В парафиновом угаре.

Тех имён не называю
В описании неброском,
На погоду уповая,
Мы подъехали к Морозкам.

Здесь наш старт при тусклом свете.
Перейдя мостком Икшанку,
Каждый по следам заметил:
Не одни мы спозаранку.

Кто-то вышел часом раньше
При меняющемся ветре,
Чтоб застать рассвет февральский
На десятке километре.

Резво бросились в погоню,
Силы не беречь решая,
Растянувшись вверх по склону
Наша стайка небольшая.

Прошлый век... ещё непросто,
Чтобы цифры уточнить,
В электричку руководству
В Долгопрудный позвонить.

Я рисую лыжной палкой:
«Семь плюс два» и время старта,
Сообщение доставит
Снежной связи оператор.

И быстрее вперёд по трассе,
Медлить тут совсем нельзя, ведь
Десять световых часов в запасе,
Если сумерки добавить.

Действительно, самый поздний официальный лыжник из группы Сафронова должен был пройти здесь около 20 часов субботы.

К слову, сами дмитриевцы накануне тоже накатывают часть трасы в 35 км, но в другом месте. Всю ночь шёл снег, а тут свежий след. Значит, кто-то приехал за час до нас на предыдущей электричке. Вряд ли кто-нибудь из местных в полвосьмого утра погулять вышел. Нас девять человек, а основная масса участников через сорок минут прибудет. Их электричка сейчас в Долгопрудном. Стартовать раньше регламентом не запрещается, но об этом положено сообщать судьям. Что касается телефонов, то не было тогда ни у кого. Это потом уже в XXI веке все кому не лень звонили со старта руководителям, родственникам и знакомым, докладывали ледовую обстановку, сообщали количество участников, кто как себя чувствует, кто чего про кого сказал и так далее, а в двухтысячном никто такими глупостями не занимался.

Нитка маршрута с тех пор почти не изменилась. На ней две характерные точки. Первая — так называемый Раковский крест, находящийся на одинаковом удалении в 21 км как от Морозок, так и от Поварова. От неё ответвление в 13 км в сторону тридцати километрового кольца, подход к циклу, выражаясь в терминах теории автоматов. При выходе на кольцо — вторая точка, костёр, где за 30 рублей обещали два раза кормить. Затем выход с цикла, чего нет в теории автоматов, переход по тому же тринадцатикилометровому перешейку обратно к Раковскому кресту и поворот на Поварово. Если что, то в пяти километрах от костра — автобусная остановка. А погода тем временем менялась. И не в лучшую сторону. Мокрый снег постепенно перешёл в снежный дождь.

Вновь зима не устояла,
В горле кость капели ей,
По скольжению сравняла
«Фишера» с «Карелией».

Мазь накладывать не нужно,
Не поможет сей процесс,
Останавливаться в луже
Будешь с мазью или без.

Но у каждого, наверно,
Родились соображенья —
Как бы несколько уменьшить
Силу трения скольженья...

Рогачёвское шоссе пересекли, в поля не полезли — по дорогам обошли. Миновали Раковский крест — дальше большой лесной участок. Тропили втроём по очереди, как в протоколе и указано: такой-то, такой-то и... вопросительный знак. Иду первым, треть дистанции позади, а нас никто не догоняет? Только подумал, и на тебе — сзади тяжёлое дыхание, голоса. *А я чуть-чуть не добежал, совсем немного, не дотянул я до посадочных огней...* Так, километра четыре. А меня обгоняют, и чем больше людей впереди, тем хуже лыжня. То, что теперь под ногами, и лыжнёй-то назвать трудно — сплошное месиво из снега и воды. Понятно, почему за нами так долго гнались. И как же мы были мудры, что вместе со всеми не поехали. Может, и в самом деле, тому, кто рано встаёт, бог подаёт?

У костров ещё свободно,
От сидящих пар валит,
Здесь пустые разговоры
Час мне слушать предстоит.

А затем подняться в гору,
Вещи можно и не брать,
Приосаниться и долго
По окружности бежать,

Что диаметром в десятку.
Примираясь с тяжкой долей,
Запасаю шоколадку
На пятьсот килокалорий.

Из дома, кроме шоколадки, я ещё взял пару пакетиков сушёных бананов, которые оставил у костра вместе с поясной сумкой. Почти сразу после выхода на второй этап мне стали попадаться встречные лыжники. Это были наши помощники из группы Рыжавского-Шаргородского, которые стартовали из Покровки, должны были протропить начальную часть кольца, но из-за непогоды опоздали, боевую задачу не выполнили и теперь уныло брели к костру в качестве почётных гостей с комплексом вины. Заметив встречного, они загодя спрыгивали с лыжни, здоровались и желали счастливого возвращения. Уважают. Приятно, чёрт возьми!

Здесь проблема такова:
Все овраги поперёк,
И забита голова
Тем, что путь ещё далёк.

Спуск, пропиленный в лесу,
Местность пересечена,
За деревьями внизу
Испарений пелена.

От ручья на перевал,
Где другой долины вид,
Как поднимаешься едва,
Открывается вдали.

Но, замечу, этот круг
Познавателен весьма,
То канал на Петербург,
То дворянские дома.

Места и впрямь исторические. Лыжня через усадьбу А.Блока проходит. А 7 августа 1887 года в такой же дождливый серый день над этими холмами пролетал на воздушном шаре известный учёный-естествоиспытатель, профессор, автор докторской диссертации на тему «Рассуждение о соединении спирта с водой» и вообще не чужой для Рождественки человек Д.И. Менделеев. Ветер дул из Клина в сторону Лавры, но потом переменялся. А то было бы почти как у Ю.Кима: *«Православный, глянь-ка с берега, народ, погляди, как Ванька по небу плывёт»*.

Действительно, нельзя же под солнечное затмение нужный ветер заказать, как и погоду под сотню. Долетел всё же Дмитрий Иванович куда хотел и все запланированные измерения сделал. Чем я хуже? Обрато к костру с кольца я вернулся в начале шестого вечера, когда дежурные паковали каны. Каша есть, чайку бы попить. Нет, говорят, домой нам пора. Хорошо, что оператор Саша Марчук, снимающая на видео всё происходящее, сжалась, сходила за водой и вскипятила чай. После этого сходить с дистанции как-то неприлично. Между тем сумерки сгущаются, фонарей налобных мало, народ погодой сыт по горло, и большинство из оставшихся собираются эвакуироваться. И мне есть о чём задуматься: 35 км после

всего одному мокрому насквозь под дождём в темноте без вещей, телефона и шансов на костёр с неизвестностью перед Ленинградским шоссе и последней электричкой на Москву в 23.46? Да и вообще, до полуночи надо бы успеть, иначе, что это за сотня за один день? И решение следует принять сейчас и здесь в 5 км до автобуса, потому что дальше цивилизация заканчивается. То есть, если решил идти, то уже до конца.

Осторожный сделал шаг,
Можно выйти на большак,
А оттуда напрямик
На автобусный тупик.

Или вправо промеж ёлок
Возратиться на просёлок,
Перелеском пустяковым
К остановке в Толстяково.

Здравый смысл твердит: «Не смеешь,
Шансов мало ты имеешь,
Сам ведь знаешь наперёд,
Скорость ночью упадёт.

Быстроногого Гермеса,
Чтобы выбраться из леса,
Нет в котором ни души,
Будешь звать ты. Не смеши!

Ну, подумай, на черта?
Авантюра ещё та.
Подсчитай, насколько скован
Электричкой подмосковной.

Жёлтые глаза тараща,
Будет зверь глядеть из чащи,
Как впотьмах проходишь мимо.
Пешеход неутомимый!»

Это так долго и эмоционально здравый смысл говорит. Между тем, двое участников, чертыхаясь и рассуждая о том, что, в крайнем

случае, можно свалить в Морозки, встали, собрались и исчезли за пеленой дождя, что явилось для меня стимулом. По крайней мере, до Раковского креста где-то недалеко впереди кто-то будет. Практического смысла в этом нет, но морально как-то легче.

Только разуму не сбить
Пыл мой краеведческий,
И уже не отменить
Этот рейс «коммерческий».

Свой уход не отмечая,
До финала четверть суток,
Заправляю сладким чаем
Непорезанный желудок.

Выхожу с дежурными. Через двести метров наши пути расходятся. Прощаемся, они удивлены, желают успеха и надеются на дальнейшее сотрудничество.

У развилки попрощаюсь,
Мне налево, им правей.
И ненастье поглощает
Очертания людей.

Мне идти оплывшим следом
За ушедшею бригадой,
Поворачиваю влево —
Мне же в Поварово надо.

Дальше начался полный беспредел в плане погоды и рельефа. Днём это не так заметно было. Ведь почему ночью на лыжах идёшь медленнее? Лыжня, как правило, неровная, ямки там на ней всякие встречаются, бугорки. При свете ты все эти сложности видишь, можешь вовремя среагировать. Ну, палками там в нужный момент отпихнуться. Ночью это не проходит, вот и останавливаешься ты где попало, а то и вовсе вниз скатываешься. А ещё лыжи не держат из-за дождя. Были у меня две «холодные» мази, да что с них толку, надо было сразу выкинуть, чтобы не таскать лишнее. В итоге 13 км перешейка я шёл почти три часа! Непозволительная роскошь для сотни. У Раковского креста на часы удосужился взглянуть, и обо-

мел — начало десятого и впереди 21 км. С такой скоростью никак не успеть. Дальше все мысли сконцентрировались на времени, пространстве и метафизике.

Снежный дождь идёт над полем,
Но бывает же такое,
Вдруг немного стала больше
Сила трения покоя.

Отмечаю над погодой
Эту скромную победу.
Может, всё-таки сегодня
Я куда-нибудь уеду?

Понятно, что просто так ничего не бывает. Струсили, видать, те двое. В Морозки пошли. Это и понятно, сядут в электричку, они из Москвы допоздна ходят, проедут одну остановку и в гости к «Бурану» завалятся. Типа, *здравствуй, дедушка, мы тут! Везёт, а я с ним не знаком*, мне в Поварово, кровь из носа, надо. Но не всё так плохо. Условия скольжения изменились. Расстояние между мной и идущим впереди резко увеличилось. Да чёрт с ним, с расстоянием, тут главное — время. Время увеличилось. И за это самое время на лыжно успел нападать снег. Теперь он не только висит в воздухе, но ещё и лежит тонким слоем на лыжне, способствуя сцеплению с лыжами. Опять же Раковский крест — одна из самых высоких точек дистанции. Стрелка спидометра дернулась и медленно поползла вправо.

Превратилось время в точку,
Что не вызвало протеста,
Рассуждаю в одиночку:
Масленица — это место.

Полуса перемешались,
И, призывая на помощь выюгу,
Не спеша, но поспешая,
Я иду на полночь... к югу.

Вдаль не убежать по насту,
Непогоде не кончатся,

Мне бы полночью ненастной
Мимо Малина промчаться.

Озаряют пики елей
Пригороды Зеленограда,
Там приют, туда — в апреле,
Нынче в Поварово надо.

Задухвенную беседу
Этот вечер не подарит,
Посмеяться будет не с кем,
Если вдруг мороз ударит.

Из Малина, конечно, все маслостроители давно уехали, да и электричка там не останавливается. Зеленоград слева и Солнечногорск справа неплохо подсвечивают облака, от них отражённый свет падает на лыжню. Да и Поварово, впереди по курсу, уже не за горами. А что касается задухвенной беседы, то это ещё вопрос спорный. Дело в том, что, выходя на третий этап, я слегка подстраховался, подслушав у сумеречного костра страшную историю про то, что якобы в самом сердце поваровской промзоны есть угольная котельная с ночной дежурной сменой, а в этой смене есть чёрный от копоти мужик, который, как заверяли, даже не удивится, когда к нему среди ночи ввалится некто мокрый и грязный, да ещё с лыжами, чтобы попроситься до утра на тёплую трубу, потому что он, этот мужик, не все пока мозги пропил и помнит, что иногда по весне такое бывает.

Но мой путь не бесконечен,
Под берёзой снег примятый,
Красной тряпкою помечен
Поворот на финиш снятый.

Так дымком призывно тянет,
Вряд ли там найду кого-то,
Отвлекаюсь от мечтаний,
Предстоит ещё работа.

Километры до платформы,
Надо сильно упираться,

Чтоб послеть на поезд скорый,
Что без четверти двенадцать.

В тот, что мной проверен лично,
Майским водникам подмога,
Он сегодня, как обычно,
Опоздает ненамного.

Поясню. Финиш всегда устраивают не на станции, там нет дров, а в лесу перед Ленинградским шоссе. Там финишировавшие участники фиксируются для протокола, подкармливаются, греются, коротая время до очередной электрички, а потом неспешно бредут оставшиеся пять километров. Около 21 часа финиш закрывается, судьи уходят, оставляя не уложившимся в контрольное время стратегический запас еды и питья. При этом *данные из протоколов, относящиеся ко времени после закрытия финиша, носят более чем приблизительный характер и не должны восприниматься хоть сколько-нибудь серьезно.*

Незнакомый участок перед шоссе оказался понятным и логичным, а саму Ленинградку по случаю праздника на пересекаемом участке украсили подсветкой из электрических фонарей.

Деревня Ложки, наземный переход, десять минут двенадцатого. Мышки из детской песенки сюда зачем-то заглядывали: «А в *деревушке Ложки у них устали ножки*». С чего бы это, они же из Пешек пришли, что в трёх километрах отсюда? Там ещё лыжня Морозки — Берёзки проходит.

Эх, не знает поэт Владимир Приходько, что в ойконе Ложки ударение на втором слоге. Указатели населённых пунктов в лучшем случае из окна собственного автомобиля видел. А может, вообще, с гладкой карты списал. Не выезжал, видно, в творческие командировки в эти места, с народом не беседовал. Приезжего ведь что в первую очередь выдаёт? Неправильное ударение в географических названиях, да ещё гласные «е» и «ё». «*Обратно в Пешки мышки поехали на кошке... и пили до порожка, и щёлкали орешки...*» Вот теперь правильно, можно и банан последний съесть, а пить почему-то совсем не хочется. «*Пешком идти не близко, когда идёшь обратно, а на пушистой киске и мягко, и приятно*». Жалко, про собаку у автора ничего нет, это сейчас более актуально. Кстати, что с ней?

Индекс девяносто пятый,
У шоссе — огней скопление,
Словно километр, взятый
Мною в это воскресенье.

Даже спешиваться трудно,
По обочинам снега там
Льются будто бы секунды
Запотевшим циферблатом.

Автобан пересекаю
У Ложков с помехами,
Электричка же тверская
Клин уже проехала.

Часы уже давно запотели, но секундная стрелка движется.
А полной уверенности нет. Может, она стояла, постояла и опять
пошла. Тогда это грозит транспортной катастрофой. Электричка
очень уж хорошая, теперь такой нет, а искать в ночном Поварове
обогревательного мужика так не хочется.
Всё, пошло добавленное время.

Мой флажок завис на стрелке,
И табло не поднимают.
Не узнать, какое время
В третьем тайме добавляют!

Товарняк, ползущий в Питер,
Провожаю нервным взглядом.
Электричку не увидеть!
Только Поварово рядом.

Вот она, лотерея! И я, и электричка явно опаздываем. Может,
ушла, но это вряд ли. Кто-то придёт на станцию раньше.
Одновременно вряд ли, так что ничью не предлагать. Бывали, го-
ворят, случаи, что народ в электричку на лыжах въезжал, как в
Новый год. Но тут это не прокатит — такая же высокая платформа,
как Окружная. Каждая секунда на счету, время на три минуты
просрочено. Можно просто наверх не успеть подняться. Вот
смеху-то будет.

Лыжи в охапку, забегаяю на платформу, смотрю направо — там
зелёная цепочка, значит, не прошло ничего. Неужели успел?
А что слева? Красный глаз светофора от прошедшего грузового и...
из-за поворота фонарь электрички. Всё, победа! Пиво потом, сей-
час главное, чтобы наизнанку не вывернуло от перенапряжения.

Я без жидкого хлеба в пути обойдусь,
В поездах мои сборы неловки.
В электричку грузуюсь, но лишь завтра сойду
На шестой от лыжни остановке.

Трезвый и осунувшийся, я к часу ночи добрёл до дома, кото-
рый покинул девятнадцать часов назад. Дошёл? Дошёл!

Потом будет ещё пять стартов, в том числе один с масленич-
ной поляны, две тропёжки и две последние электрички, пять фи-
нишей с двумя официально зарегистрированными и всякий раз
ощущение заработанного счастья.

Как обычно, ночью звёздной
Финиш мой гудок отметит,
Затяжной электровозный
Где-то в Поварове-третьем!

А когда меня спрашивают про успехи, места и строчки в про-
токоле, я отвечаю, как всегда, — первое место в категории пьющих
почти каждый день.

Дина Захарова

Голубь мира и царица полей...

Давно написала, прошлой зимой еще, в Мышкине... Только
Интернет у нас тогда занемог сильно, потом малышка родилась...
Недосуг, в общем, было... Лучше б теперь до следующего Нового
года обождать, да затеряется, думаю...

Канун Рождества. Мы в Мышкине. Свет в округе вырубил! За
вечерним чаем разговорились с хозяйкой о прошедших недавно

новогодних празднествах, в частности о детских утренниках и костюмах к ним. Ну не могу я покупать готовые костюмы в магазине. Всё в них не то и не так, как хотелось бы. И потом это уже стало семейной традицией: мама всегда шила мне костюмы сама: снежинки, лисички, музыки всякие, снегурочки, белочки... А теперь я шью сыну... Самовыражаюсь: зайцы, гномы, пираты, вот теперь космонавт...

Всё же космонавт — это куда как лучше, чем человек-паук или черепашка-ниндзя...

«Вы бы знали, какие костюмы я сочиняла!» — растроганно восклицает хозяйка, Мария Николаевна.

Голубь мира

— Мне уже лет 16 было, мы как раз раздобыли где-то списанных простыней. Я явилась к матери и заявила, что на новогодний маскарад хочу быть Голубем мира и буду шить «шикарный костюм», даже уже всё придумала...

С маминной помощью Муся всё раскроила и сшила «белый комбинезончик и накидку» (это типа крыльев)... Вроде бы ничего, но чего-то не хватает: то ли космонавт, то ли Икар, то ли десантник в масхалате, но не голубь, — нет, не голубь!

— А курей всегда держали... Вот всю ночь мы с матерью этот комбинезончик перьями расшивали... Расшили! Выдающийся костюм получился, весь пернатый! Аж кудрявый!

Действительно, ни у кого на подобное фантазии не хватало! Только обидно было Мусе, что никто танцевать не пригласил... Всех девочек пригласили, а ее — нет! «Чудо, — говорят, — в перьях!»

Царица полей

— Следующим моим изобретением была Кукуруза! В те годы Хрущёв был. Кукурузу во всех журналах пропагандировали. Цветные кукурузные початки часто появлялись на обложках — бери, вырезай!

Муся этих бумажных початков заготовила с избытком. И в поселковом медпункте, где весьма кстати работала одна родственница, раздобыла много марли. Марлю зеленой выкрасили, сши-

ли необъятный балахон, весь в складочку... Это «зеленя» были... В складочки кругом навшивали бумажных початков, так что они выглядывали из этих «зеленей» весьма урожайно... Костюм, понятное дело, взял приз... Но танцевать ребята опять не пригласили...

Беспроигрышный вариант

В следующий раз Муся решила уж больше не рисковать с сомнительными нарядами... Тем более что уже работала бухгалтером и считалась способным и перспективным кадром... В общем, избрала для себя «беспроигрышный вариант», а именно — костюм Деда Мороза.

Родственница очень кстати продолжала работать в поселковом медпункте... Она помогла раздобыть много ваты. «Вата такая была специальная, медицинская, в рулонах, пропитанных спиртом»...

То, что вата в рулонах, оказалось очень удобно — она легко раскатывалась и плотно нашивалась... Весь подол, чуть не до попы, рукава до локтя, шапка были богато расшиты этой самой ватой... Муся блистала: весь вечер носилась по клубу, щебетала с друзьями и подругками, поздравляла, принимала поздравления, радовалась... В какой-то момент выскочила «в предбанник, где мужики курили, звать всех в зал»... И тут костюм тоже привлек к себе восхищенные взоры: «Вот это костюм! — воскликнул кто-то из курильщиков, — аж горит!»

Весь подол был охвачен голубоватым свечением... Не сразу сообразили, что это действительно настоящее пламя... Откуда оно взялось: от искры, окурка, свечей у праздничной ёлки? Дед Мороз горел!

Перепуганная Муся не сообразила скинуть костюм, а стала энергично сбивать пламя руками, отчего спирт в вате занялся уже по всему одеянию... Подол стал гореть по внутреннему слою... Новогодний вечер закончился в больнице... Ожогов было много: бедра, спина и то, что ниже, а главное — руки, руки перспективного бухгалтера...

Наутро Муся звонила сослуживцам из больницы, что еще долго не сможет писать отчеты...

«Деда Мороза» кавалеры, увы, тоже не пригласили на танец (видимо, просто не успели), зато (я надеюсь) исправно навещали в больнице...

Предисловие

Напутствие читателю от автора

Убираться полезно! Чего только не найдёшь в дальнем углу шкафа, на пыльном чердаке, в морозилке или, скажем, компьютере. Вот и эта маленькая зарисовка пряталась три с лишним года в забытом «ящике» Рабочего стола.

Подумала было обновить и дописать или, как теперь модно говорить,— апгрейдить, но потом передумала или поленилась просто. Оставила как есть. Всё честно, без фотшопа.

Итак, вашему вниманию предлагаются:

Первомайские Водные Походы

В апреле рождественские четверги наполнялись разговорами о предстоящем водном походе.

— А ты в поход пойдёшь? — обратился ко мне однажды Веня.

— Я байдарку носить не умею.

— А байдарка у тебя есть? — тут же заинтересовался он.

— Есть.

— Ну, байдарку я могу понести...

Так однажды тёплым апрельским вечером где-то в конце прошлого века начались для меня Первомайские Водные Походы. И с тех пор всё продолжают и продолжают. Сколько рек было перелопачено, преград преодолено, детей выращено, соли съедено... и давно уж походы эти слились для меня в один, бесконечный майский поход по бесконечной реке, протекающей где-то по Московской, Тверской, Калужской, Владимирской, Нижегородской или какой другой среднерусской области:

ох, сколько деталей; у кого пассатижи есть? а топор?

вёсла на воду!

завал, опять завал; мост; плотина; обнос; а мы пройдем!

левым гребем, левым;

ай, молодцы;

а у нас воды полная байдарка;

«мы капитаны, братья, капитаны»;

ой, какая церквушечка на берегу, совсем близко, ещё ближе, нет, дальше, опять ближе, она на правом берегу, нет на левом, всё-таки на правом;

а вот та бумажечка очень на Экстру-М похожа;

а вот тот мусор как на вело-маркер смахивает; встретимся с велосипедистами или не встретимся...

Начинаешь вглядываться в эту реку времени, и высовываются вдруг откуда-то из глубин памяти хвостики ярких событий из периодов разных лет:

Первый поход оказался особо удачным для моих детей. Грише удалось упасть с восьмиметрового дерева, а Ване — искупаться в речке после оверкиля на Наре в 1995 году. Гриша умудрился отделиться лёгким испугом. Ванька же был просто счастлив своим боевым крещением (в отличие от его матроса и капитана).

Из-за неразберихи с электричками путешествие по Осётру (1996) удлинилось на целый приток. А велосипедных команд оказалось целых три. Самая малочисленная велокоманда состояла из Олега М. и его велосипеда. В другой же команде одна покрывка Варькиного велосипеда была набита соломой, так как запасной камеры не нашлось...

Количество завалов на Лопасне (1997) превзошло все мыслимые пределы. Местами по реке можно было двигаться «аки посуху». А вот байдаркам трудновато приходилось. Наша — как ящерица, «отбросила» «хвост».

На Клязьме (Поля — Клязьма) в 1998 году нам удалось поплавать по лесу:

Лес грязен и пуглив,

Сугробы обняли стволы.

Вдруг начинается прилив,

В лес входят водные валы.

(Иван Абраменко <http://xabych.livejournal.com/8596.html#cutid1>).

Тверца в 1999 году «порадовала» прямо-таки зимней погодой со снегом. От холода мы так скужились, что Веня, Витько, НатСа и я вместились в одну байдарку.

Шлина так разлилась в 2000 году, что образовала сразу несколько параллельных рек. По одной из них Олег с Андреем чуть не уплыли мимо в параллельный мир к параллельной Рождественке. А завершился поход очень тематически — в посёлке Красномайский.

В 2001 году (р. Граничная — Шлина) Рождественка поучаствовала в штурме поезда (ходившего раз в сутки) на станции Бологое, оставив половину группы за бортом. На станции высадки мы подсчитали наши потери — у кого-то не хватало капитана, у кого-то матроса, а у кого-то и байдарки. Адмирал, чтобы поймать связь, полез с мобильным телефоном на водонапорную башню в попытке вызвать на помощь Аркадия. Но оставшаяся в Бологом часть группы под предводительством Вени не растерялась и справилась сама. Им удалось вытребовать у начальника вокзала персональный поезд из одного вагона и счастливо воссоединиться с нами.

После прошлогодних перипетий с транспортом на Осугу в 2002 году мы ехали как белые люди на собственном автобусе.

На Рессете в 2003 году впервые в стаю тайменей и салютов затесались две щуки, принадлежащие семье Тимофеевых. В одной из них плыли мама с сыном, в другой — папа с дочкой. «Щука» мамы с сыном проявила излишнюю самостоятельность, потерялась в разливе и ночевала отдельно от всей команды, что заставило сильно поволноваться всех нас, а в первую очередь папу с дочкой.

Лух в 2004 году запомнился мне окончанием похода в красивейшем городке Гороховце, который нам так понравился, что вскоре мы приехали в него вновь на наши традиционные ноябрьские три дня. А на обратном пути из водного похода на нижегородском шоссе из-за ремонта оказалась многочасовая пробка.

«Трое в лодке, не считая собаки». На Судогде (2005) наша команда была усилена верным Олиным Дружком, которому водный поход явно не понравился. Пёс вертелся у Оли на коленях и ходил

мне по спине. На третий день отказался залезать в лодку вовсе. Некоторое время бежал за нами по берегу, потом на пути его окзался заливчик, и сОбак немедленно бросился в воду и поплыл за байдаркой. «Витя, стой, он утонет», — закричала Ольга. Но остановиться посередине реки — это, знаете ли, проблема, да и как он в лодку на ходу влезет... Больше на воду Дружок не ходит.

Выезд на Медведицу в 2006 году благодаря чудесной выдумке Натальюшко будет вечно жить в памяти Днём международной солидарности байдящихся. Ах, как самозабвенно играли мы весь поход, примеряли на себя роли разных народов, сочиняли и репетировали представления. И, главное, само действо!! Это было неподражаемо! А роли, похоже, так всем понравились, что долго отпустить нас не хотели...

Ээээстооняаяа ннеээ таароопилитсаа, аанаа им тааак ууслеээээт...

Июнь 2006

Юлия Якушева, Павел Матасов

Два стиха из одной электрички

Чепуха, одним словом. Что с неё взять? Это игра такая смешная. С неограниченным количеством участников и простыми правилами. Ну знаете, наверное. Вначале кто-нибудь записывает на листке бумаги какую-либо (желательно смешную) стихотворную строчку. Второй игрок приписывает под ней рифмующуюся с ней строчку так, чтобы получился связный стишок. После этого он загибает лист так, чтобы не было видно написанное, под загнутой частью пишет третью строчку и передаёт следующему игроку. Таким образом, каждый игрок видит только последнюю строчку и придумывает рифмованное однострочное продолжение, а затем пишет ещё одну строчку. Так было и в этот раз. Только отдувались за отсутствующих двое, взяв на себя повышенные социальные обязательства и выдав на-гора две нетленки, сочинявшихся параллельно. Тема, как всегда, свободная, но свежи, свежи ещё впечатления от прошедшего детского байдарочного похода по Шлине.

А день, какой был день тогда? Первый день отпуска, семидесятипятилетие Юрия Визбора. Дождь, холодрыга, бррр. И электричка мчала нас не куда-нибудь, а на Ивана Купала, праздник двух противоположностей — огня и воды. В Клину, когда время, отведённое на подготовку, закончилось, мы сдали наши работы.

* * *

Ветры весенние веют вокруг,
Надо бы чем-нибудь скрасить досуг!
Вёсла хватаем! На речку! Айда!
Грузим байдарки, в дорогу пора.

Лодки на воду столкнём босиком,
Вёсла в неё же усердно макнём!
Гей, вы, стрекозы и прочие твари!
Этакий шум вам и снился едва ли!

Волны вздымая могучим веслом,
Вниз по реке мы плывём напролом.
Камни и мели проносятся рядом,
Волны бурлят, и ревут водопады.

Но не боимся мы грозной стихии,
Все мы ребята вообще неплохие,
И пусть себе шляются грозы повсюду,
Мы спиртом и виски прогоним простуду!

Все песни свои проорём боевые,
Забудем на время про рожи кривые

И на остановках зелёных
С английским названием Гринпис
Оставим мы след свой зловонный:
Мол, мы и сюда добрались!

Чтоб нами гордились потомки,
Чтоб нами гордилась страна,
Воздвигнем мы вёсел обломки
На речке, где все мы Шли на!

* * *

Раз уж есть на свете дети,
Взрослые за них в ответе.

Подтверждая строки эти,
Мы отправились в поход,
Рано утром на рассвете
Перейдя болото вброд.

Мух постоянное гуденье
И звуки низкой частоты
В сердцах будили вдохновенные,
Когда мы бегали в кусты.

Меж тем смеркалось,
Дождик капал,
За стенкой кто-то
Рухнул на пол.

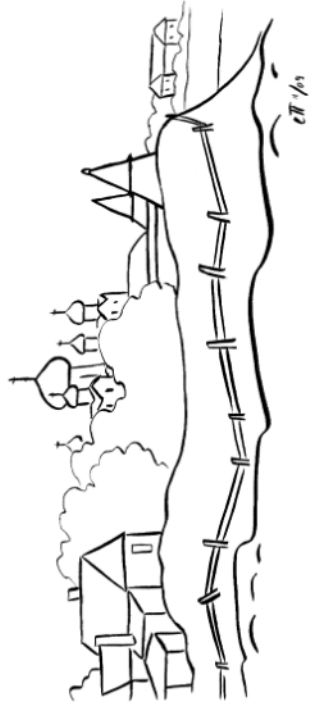
Утро добрым не бывает,
И кусок не лезет в горло,
Если друг не наливает
Перед завтраком по полной!

А детишкам сварим каши!
Пусть растут на радость мамам!
Пусть разучат песни наши
И не шастают по храмам.

День отъезда — это круто,
И в пути уже автобус,
Но к концу пути как будто
Кое в ком проснулась совесть!

Все вдруг вспомнили о детях,
Для кого мы так старались!
Пусть места запомнят эти,
Чтобы на сердце остались!

20 июня 2009 года. Останкино — Клин

Наталья Харпалёва

Острова

Вереск, черника, багульник и мох.
Древние боги и истинный Бог.
Листья и хвоя укроют следы
К пресной воде от солёной воды.

Ветрено. Солнце не дарит тепла.
Осень проходит. Неделя прошла.
Щедростью красочной утомлены,
Видим мы белые зимние сны.

Каждый пишет, как он дышит...

Андрей Юрков

Про Сашу и Наташу

Саше Сидорову, в общем, по жизни не везло. Ну или он считал, что ему не везло. Он бледно закончил престижный вуз, бизнес ему претил, и он избрал научную работу в академическом институте. А там законы. Может быть, еще более жёсткие, чем в бизнесе. Соответственно, и стал Саша Сидоров одним из многих — подающих надежды, что-то тянущих, но никогда не способных пробиться, чтобы руководить. А следовательно, — почти никем. Пожалуй, у него просматривалась утончённая натура, что выразилось в том, что ему претила борьба в карьерном росте, у него было почти презрение к участию в престижных научных конференциях, а в личной жизни не то чтобы он отвергал случайные связи, да только не случались они.

Саша почитывал и, можно сказать, любил литературу. От крепких напитков он быстро пьянел, поэтому ему показалось, что он любит сухие вина. Еще немного, и ему показалось, что он в сухих винах разбирается. Эстет — что ещё можно сказать?

Наташе тоже, можно сказать, в жизни не везло. К 27 годам она успела дважды развестись, хоть надежда в ней еще жила. Она не научилась зарабатывать деньги, но если честно, имея оставшуюся в результате родительского обмена и двух разводов однокомнатную квартиру и обеспеченных родителей, — пожалуй, ей хватало. А чего ей не хватало? Да, пожалуй, того самого — везения в жизни. Хоть надежда и была.

Ну а раз надежда была, следовательно, могла быть и романтическая серия встреч дважды разведённой 27-летней Наташи и ни разу не женатого 30-летнего Александра.

Чем решил покоришь Наташу Саша? Тонкостью вкуса и любовью к эстетике. Денег заказывать дорогие вина в ресторане у него не было. Поэтому через определённое время Наташа стала поощрять, когда Саша приходил к ней в гости с бутылкой тонкого вина.

О чём они говорили?

О несправильности жизни. О том, что как-то всё не так устроено. Что наука загибается. А никому до этого нет дела. О странном государстве, в котором они живут.

О том, как хорошо было бы, если бы...

Если бы в мире правили мудрые законы, интеллигентные и воспитанные люди и было бы всё, как на Западе, а может быть, даже лучше...

Немного говорили о литературе.

Через некоторое время Саша оседлывал любимого конька и начал говорить про аромат вина, которое он разливал. Слушательница охотно внимала. И даже удачно вставляла ремарки, оттенённые нотками восхищения.

Да, вероятно, они друг друга полюбили. Их чувства были взаимными и основанными не только на функциональном влечении, но и на родстве душ.

* * *

А теперь, да простит меня читатель, я дам другую нитку сюжета. Во времена заката социализма некоторые учёные жили неллохо. Получали умеренные деньги, хорошие приборы и спирт. Учёные имели право на отдохновение. Они горели на работе, но должен же горящий на работе ученый иметь отдохновение для души...
Должен!!!

И это не вызывало сомнений.

Вот ученые, в очередной раз получив казённый спирт, затеяли определять кинетику перехода компонентов тары (стеклянных бутылок) в спирт. Результаты повергли всех (уже протрезвевших) в полное уныние. С очень большой скоростью переходят компоненты стекла в раствор спирта!!!

Надобно сделать отступление. Бутылочное стекло — самая инертная посуда (намного более инертная, чем сталь, алюминий, уж не говоря про все пластики). Это не химическое соединение,

а смесь алюмосиликатов натрия и калия. Пожалуй, стекло — самая инертная субстанция. Золото в пирамидах сначала тускнеет, потом взаимодействует. Серебро медленно растворяется, взаимодействует с испарениями. А стекло и через 10 тысяч лет остается неизменным.

Но, как выяснилось в ходе научного эксперимента, в спирте медленно растворяется. Быстрее всего в спирт переходят ионы натрия и калия, но ионы алюминия и кремния тоже переходят.

Учёных из уныния вывел зашедший на огонёк весёлый научный сотрудник, который подвёл итог изысканий словами: «А не надо ждаться, не надо хранить! Надо пить!!! Как получили, так тут же и начинать пить!»

Все развеселились. Выпили, конечно. Но двое дотошных это дело не оставили. Они начали изучать. Изучать кинетику перехода компонентов бутылочного стекла в водку, виски, вино, коньяк, джин...
Результаты... результаты были печальны.

Компоненты стекла переходят в спиртовые растворы. Быстро. Как правило, по восходящей гиперболе, но гипербола редко выходит на плато. Даже в вине. Процесс перехода компонентов стекла не останавливается. А уж в коньяке...

Понятное дело, в дубовой бочке коньяк вроде как созревает. А вот в стекле? А в стеклянной таре водка, виски, вино, коньяк, джин... не остаются неизменными, а обогащаются ионами натрия, калия, кремния и алюминия. Вся эта прелесть переходит в спиртовой раствор, и с каждым годом её становится всё больше. И с каждым годом всё сильнее будет перебивать аромат вина того самого 1867 года (если он там и был).

Эх, да что там про спирт говорить. Ведь его эстеты не пьют.

— Вы что-то говорили про особый аромат вина в бутылке с паутиной и букет урожая 1867 года?

Не то чтобы я не люблю эстетов. Приятно быть эстетом. И тем самым отличаться от всех окружающих. Ценить тонкий вкус вин и временами даже демонстрировать это...

Приятно быть эстетом! И тем самым отличаться от всех окружающих. Быть тоньше, чувствительнее и за счёт этого быть непохожим на окружающих.

Любить классическую музыку и не скрывать этого. Любить тонкий вкус кофе и не скрывать этого. Ценить тонкий вкус вин и временами демонстрировать это. Потому что тонкий человек имеет право на проявление тонких чувств. И ценить тонкий вкус вина.

Мы в состоянии оценить букет вина. На самом деле это непе-
редаваемо. Ведь сортовые вина висят от года. Точнее, не от го-
да именно, а от того, насколько было много солнца для виноград-
ной лозы в том году, как быстро синтезировался в винограде
фруктовый сахар, когда наступили заморозки и затормозился про-
цесс брожения. Аромат (букет) используют для характеристики
ароматических свойств выдержанных и старых вин, тем самым
подчёркивая сложность их аромата. При характеристике показате-
ля аромата определяют: его тип, интенсивность, слаженность аро-
мата, наличие оттенков и типичность.

А разве не волнует паутина на бутылке странного очертания и
со старинной этикеткой? О, как замирает сердце!.. Да, это стоит
своих денег! Тем более что услужливый официант заискивающе и
проникновенно смотрит в глаза, наливая немного вина для пробы
из бутылки с паутиной? А Ваша дама заворожено смотрит на свя-
щеннодействие...

* * *

А Саша и Наташа поженились!
Счастлива будь, новобрачная!

Татьяна Подгорная

Вот ещё один день...

Стихи

* * *

Бациллы собирались за углом...
А солнышко, тепло — им всё по фигу...
Не упустить прекраснейшего мига,
Чтоб ехать дальше — было бы на ком...

И, дерзкий план продумав сообщца,
Штурмуют разомлевших вмиг прохожих:
Кто лезет в рот, кто — в нос, кто — через кожу,
А кто — прыжком с соседского плеча...

И нет спасенья, коль иммунитет
Измучен долгой, яростной борьбою.
Как нападут микробы всей толпою —
Мы валимся, и дела уже нет

Нам до того, что на дворе — весна,
Что скоро зазвенят всюю капели,
Придёт тепло — пусть даже в апреле...
Пока ж — увьи! — порою не до сна...

Надежда всё же не покинет нас:
Бациллы в этом мире не всевластны.
Коварны — да, конечно же, опасны, —
Но близок он — победы высший час!

МОНОЛОГ СОВЫ

Ух! Моё настало время —
Ночь!

Дел бессчётных вражье племя,
Прочь!

Все хорошие ребята
Крепко спят,
Сон их совы и совята
Сторожат.

Глаз мой зоркий всё заметит
С высоты
И родную душу встретит —
Я и ты

Будем вместе, будем рядом
В эту ночь.
Больше никого не надо —
Ну-ка, прочь!

* * *

Сентябрь — изменчивый, как ребёнок:
Минута — слёзы, и сразу — смех.

И радость плещется из пелёнок
И озаряет — так щедро — всех.

Сентябрь — гриппозный большой в постели:
То в жар, то в холод, то снова в жар.
С собой справляется еле-еле:
Ночной туман — выпускает пар.

Сентябрь — модник, каких немного:
Разнообразен его наряд.
Перед зимою угрюмой, строгой
Его одёжки — огнём горят!

Сентябрь — подросток: всегда — в движении,
В прыжке, в полёте — покоя нет!
В природе — месяц преображенья —
Из года в год, миллионы лет.

Метель

Легка и воздушна, как шаль-паутинка,
Мой путь — мне известен одной.
Могу завывать я противно и дико,
Могу быть бесшумной, ручной.

Родная стихия — стремительный танец,
А пауза — гибель моя.
И если не будет веселья и тайны —
Вмиг силы покинут меня.

Дарю всем художникам жизнь, вдохновенье
И Творчества вечный полет.
Энергия, радость, к вершинам стремленье —
Вот жизни естественный ход.

* * *

Пегас полночный — летучаямышь!
Ложусь — ты уже над подушкой висишь,

Любимым светильником — лампою бра
Сигнал подаёшь мне: «Трудиться пора!

Уставшему телу — желанный покой,
Трудиться же будешь — душой и рукой,
И строчки стремительно лягут на лист,
Что был так недавно прозительно-чист».

«Пегас полночный,— молю я,— прости!
Устала сегодня — скорей отпусти!
Быть может, появятся строчки — во сне:
О солнце, морозе, о юной весне,

О том, что волнует так часто меня...
Без новых стихов не прожить мне и дня».
И сжалился добрый мой, верный Пегас,
Прощаясь, шепнул эти строчки — для вас.

Перечитывая стихи

*О чем ты думала, мой друг,
В последний, смертный час?
Из стихов 2003 г.*

Перечитываю вновь строчки —
Нет шесть лет дорогой подруги.
Час прощания помню точно,
И лицо её, да и руки.

Будто снова готовлюсь к боли,
Чтобы легче принять утрату.
Чередуется поневоле
Радость, счастье — и смерти даты.

Друг уйдёт, из родных ли кто-то —
Кто там следующий? Не знаю.
Для души тяжела работа —
К ней заранее привыкаю.

* * *

Не знаю, сколько мне отпущено
Активных месяцев и лет.
Но проживу я их осмысленно,
Стремясь оставить добрый след
В душе у тех, кто очень дорог мне,
Ростками света и тепла,
Чтобы цепочка наших добрых дел
С годами крепла и росла.

* * *

Послушай, мой друг,
Случайностей не бывает...
И в тысячный раз
Опять убеждаюсь в том,
Как много хороших людей
В жизни моей прибывает, —
Лишь стоит отвлечься,
Не думать о чём-то плохом.

Послушай, мой друг,
Судьба щедро на подарки...
Вот жили мы рядом,
И, если б не встреча в Сети,
Была б моя жизнь — без тебя —
Чуть менее яркой,
И радость общения
Мимо могла бы пройти.

Послушай, мой друг...
Что дальше? А я не знаю.
Живу каждым мигом
И верю в свою звезду.
Но точно уверена:
Наша страна родная
Богата друзьями —
На смену они придут.

* * *

Вот ещё один день
в череде многочисленных дней...
Сколько пищи уму,
наблюдений, надежд, размышлений,
Поражений, побед —
все запомнить трудней и трудней,
Расставаний и встреч,
разговоров, метаний, сомнений...

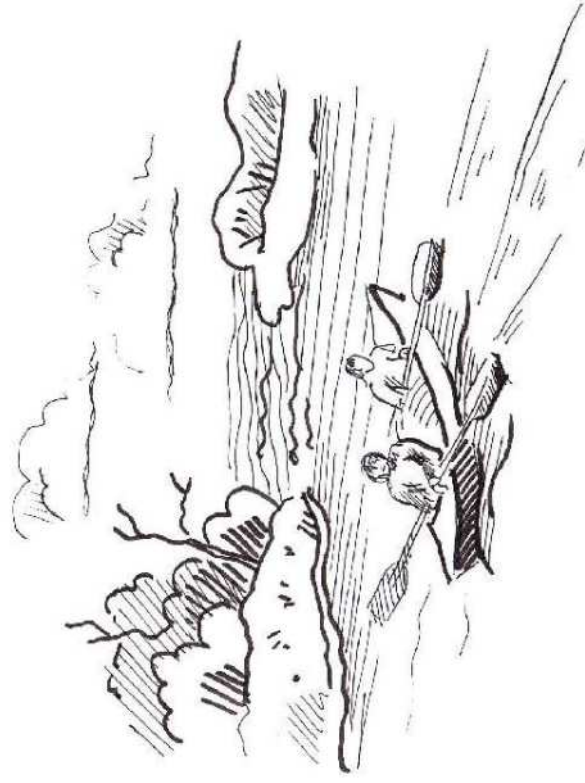
Непрерывный поток —
как узор в мозаичной трубе —
Каждый миг что-то новое,
и не успеть оглянуться...
В окружающем мире,
и в друзьях, и порою — в себе —
Как заметить всё важное,
мимо вдруг не промахнуться?

Снова ищет душа
приложения силы своей,
Словно рвётся навстречу
событиям, ярким мгновениям...
Жить хотела бы так,
нужной быть —
до конца своих дней,
Лишь бы только хватило
энергии, веры, терпенья.

Вот ещё один день пролетел,
полный дел
и забот...

Дом отходит ко сну,
гаснут окна —
пасхальные свечи...
Телу нужен покой,
но душа моя не устаёт —
Снова льются стихи,
словно жизнь, —
и процесс бесконечен...

А.Б.

Редактор Татьяна Подгорная
Художники Юлия Абраменко, Соня Пятницкая
Корректор Татьяна Подгорная
Компьютерная верстка Ольга Фатуева

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва, 2010